

ЕКАТЕРИНА НЕВОЛИНА

МОЛОДЕЖКА

ПЕРВЫЙ МАТЧ

Екатерина Александровна Неволina

Первый матч

Серия «Молодежка», книга 1

Текст предоставлен правообладателем.

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6283959

Неволина Е. Первый матч : роман : Эксмо; Москва; 2013

ISBN 978-5-699-67437-4

Аннотация

В Молодежную сборную России по хоккею, или «Молодежку», попадают лучшие хоккеисты в возрасте до двадцати лет. Именно они представляют Россию на ежегодном чемпионате мира, а также в серии матчей против сборных лиг Канадской хоккейной лиги. Это первая ступенька в мир большого международного спорта.

Команда «Медведи» матч за матчем проигрывала соперникам. Ребята смирились с поражениями и не рассчитывали на успех. Но однажды все изменилось... Новым тренером «Медведей» стал Сергей Макеев, бывшая звезда НХЛ. Ему предстоит не только привести своих подопечных к победе в региональном чемпионате, но и сделать из ребят настоящих профи, ни в чем не уступающих сильнейшим игрокам мирового хоккея. Только это совсем не просто, ведь у ребят другие интересы – учеба, друзья и, конечно, девушки, ведь как выходить на лед, если в голове одни свидания. Смогут ли «Медведи» стать настоящими звездами и войти в «Молодежку» или обречены на провал?

Содержание

Часть I	4
Глава 1	8
Глава 2	19
Глава 3	29
Глава 4	39
Глава 5	49
Глава 6	61
Глава 7	79
Глава 8	92
Конец ознакомительного фрагмента.	97

Екатерина Неволина

Молодежка. Первый матч

Часть I

Выход на лед

В Молодежную сборную России по хоккею с шайбой попадают лучшие хоккеисты в возрасте до двадцати лет. Именно они представляют Россию на ежегодном чемпионате мира, а также в серии матчей против сборных лиг Канадской хоккейной лиги. Это первая ступенька в мир большого международного спорта. Попасть в Молодежную сборную – огромная честь и ответственность.

Мои ребята... Когда я думаю о них, губы сами собой начинают растягиваться в дурацкой улыбке. Они стали моей семьей. Я учил их, но и они учили меня. Вернее, мы учились вместе – преодолевать себя, ставить интересы команды выше собственных, а еще – быть терпимее, мягче, учились любить.

Скажите, для хоккеиста это не главное? Вот и ошибаетесь. Если представлять хоккей как движение совершенных механизмов – возьмите настольную игру и двигайте по доске деревянные фигурки хоккеистов. У настоящего хоккея есть душа, и команда – это души игроков, звучащие в унисон. Каж-

дый из них – часть команды и в то же время каждый – яркая индивидуальность, а не просто винтик, исполняющий свое предназначение.

Мои ребята именно такие. Когда я увидел их впервые, они, собственно, и командой-то не были. Все они – юные, амбициозные, мечтающие попасть в КХЛ¹, и в то же время запутавшиеся, не умеющие правильно применить свой юный задор, всем существом ощущающие зов победы, но не знающие, как на него откликнуться.

Победа... Скажете, блажь? Главное – участие и прочее бла-бла-бла? Так вот, это бла-бла-бла придумали трусы, те, кто не дерзает и не умеет выигрывать. Такая философия не для нас.

В то время как я их встретил, я был одиноким, изломанным и держался, наверное, на одном упрямстве. Мне на лоб уже клеили стикер со словом «неудачник» и собирались ненавязчивым движением столкнуть на дно, как отработанный хлам. Не вышло.

Теперь я понимаю, что наша встреча с ребятами спасла и их, и меня.

«Я научу их побеждать», – подумал я, глядя в глаза этим парням, напоминающим испуганных, но пытающихся дерзить волчат.

¹ КХЛ – Континентальная хоккейная лига, объединяющая команды России, Белоруссии, Украины, Казахстана, Латвии, Словакии, Хорватии, Чехии. Является сильнейшей хоккейной лигой Европы.

Тогда я не знал, сколь многому они научат меня...

Но обращаюсь, собственно, к событиям.

Итак, в команде «Медведи», в которую меня пригласили первым тренером, было много интересных ребят, но вот, пожалуй, самые яркие среди них.

Во-первых и во-вторых, номер 10 и номер 1 – братья Щукины, вечно готовые сцепиться между собой. Егор – капитан команды, центральный нападающий, по-настоящему увлеченный игрой. Веселый и честный парнишка, с удовольствием вышел бы с ним на лед. Дима – вратарь. Очень серьезный и рассудительный, иногда даже слишком, наделен аналитическим умом, никак не может определиться с жизненными приоритетами.

В-третьих, номер 9 – Саша Костров, неплохой нападающий и вообще хороший мальчик, что читалось с первого же взгляда на его открытое лицо. Честный, очень сдержанный, умудряется совмещать искреннее увлечение хоккеем с отличной учебой.

В-четвертых, номер 24 – Андрей Кисляк, крайний нападающий. Головная боль всей команды. Сын прокурора города. Ершистый, мажористый парень, прекрасный игрок и непростой человек.

В-пятых, номер 95 – Миша Пономарев, защитник. Михаил, которому пришлось в жизни непросто. Фактически сирота при живом отце, парень буквально сделал себя сам, во всех смыслах. Пожалуй, у него не было дара, которым ока-

зался наделен от природы Саша Костров или Андрей Кисляк, но у него имелась решимость и огромная сила воли.

И наконец, номер 38 – Семен Бакин, второй вратарь. Серьезный, немного наивный парень, изо всех сил старающийся оправдать ожидания влюбленного в хоккей отца. Фантазер, мечтатель, отлично берет буллиты² – в этом ему равных нет.

Пожалуй, пока и хватит. С остальными познакомлю вас позже, а пока обратимся к тому времени, пока я еще, собственно, и не появился в ледовом комплексе.

² Буллит в хоккее – штрафной бросок.

Глава 1

Терпеть поражение – это тоже наука

Манежная площадь перед Кремлем была полна народа и жужжала, словно растревоженный улей.

– На-ши мо-лод-цы! Россия – чем-пи-он! – скандировали болельщики, поднимая вверх руки, как когда-то делали это римские воины, приветствуя своих правителей.

Но все крики затихли, когда на трибуну взошел Вячеслав Фетисов, обладатель всех высших титулов мирового хоккея, легенда российского спорта.

– Рад видеть вас здесь, друзья, – начал свою речь знаменитый хоккеист, – но сегодня я хотел бы прежде всего поговорить о молодежи. О нашей достойной смене. Я не люблю называть имен, но на этот раз нарушу правило. Есть один человек... он вратарь в одной из региональных лиг, и зовут его Семен Бакин. Запомните это имя. Семен Бакин!.. Семен!

* * *

Клюшка с грохотом упала на пол раздевалки, и Семен подскочил, словно ужаленный.

– Эй, говорю, Бакин, подъем! Опять, что ли, задремал? Чем же ты таким интересным по ночам занимаешься?!

Романенко, второй тренер команды, который, оказывается, давно тряс парня за плечо, глумливо рассмеялся, а Семен покраснел. Он вообще легко краснел, а тут особенно ярким оказался контраст между сном и действительностью.

– Так, кажется, перерыв? – спросил Бакин, покосившись на жующего жвачку Романенко – здорового, с красной, слегка дебильной рожей.

– Когда кажется – креститься надо! – снова хохотнул тот. – Давно перерыв закончился, третий период начинается. В общем, бери клюшку – и на лед.

Раздевалка действительно почти опустела. Семен поднял упавшую клюшку и со вздохом поплелся вслед за остальными. Только не на лед, а на скамейку запасных, где было его фактически постоянное место, ведь в калитке, как называют на хоккейном сленге ворота, стоял основной вратарь Дима Щукин. В общем, Вячеслав Фетисов, даже если бы сидел сейчас на трибуне, комкая в волнении свою шапку и наблюдая за игрой «Медведей» и «Лис», увы, не имел бы ни единого шанса увидеть на льду и отметить для себя игру блистательно Семена Бакина.

Такова жизнь, а она, как известно, весьма отличается от наших фантазий.

Тем временем ситуация на льду развивалась не лучшим образом.

Проводя силовой прием, нападающий «Медведей» Алек-

сандр Костров получил травму и вынужден был выйти из игры.

– Два-два! Ну же, давайте, приложите немного усилий! – понукал ребят первый тренер Степан Аркадьевич Жарский, попросту Дед, на висках которого словно осела вся ледяная пыль проигранных его ребятами встреч.

Раздался свисток, и хоккеисты снова в игре. Шайбу перехватывает один из «Лисов». Напряженная ситуация... и свисток арбитра. Арбитр поднимает скрещенные руки, что означает буллит – штрафной бросок.

Все знают, что никто у «Медведей» не берет буллиты так, как Бакин.

– Становись в рамку! – командует ему Жарский.

– Только не засни, – вполголоса добавляет ехидный Романенко.

Но Семен уже его не слышит.

Он снова на льду. Один на один с противником. «Лис» смотрит на него сквозь прорези маски, и Бакину видится в его глазах насмешка. Впрочем, наверняка это только кажется...

«Лис» разбегается и...

Шайба отбита.

Семен смотрит на трибуну, где сидит отец. Тот что-то кричит, неразличимое в гуле стадиона, комкает облезлую кроличью шапку и машет руками.

Хоть маленькая, но все-таки победа, а пока приходится

возвращаться на скамейку запасных, чтобы освободить место основному вратарю. Бакин свое дело сделал, Бакин свободен...

Вскоре на скамейку штрафников на другой стороне площадки садится Андрей Кисляк, удаленный с поля за столкновение с игроком «Лисов» при вбрасывании. Вытирая пот со лба, он умудряется подмигнуть товарищам и послать воздушный поцелуй куда-то в сторону группы поддержки, где трясут своими синими помпонами фигуристые чирлидерши. Кислый не кажется расстроенным, он вообще не привык расстраиваться по пустякам.

А ситуация на льду становится все хуже и хуже. Вот уже в воротах «Медведей» третья шайба, а бесстрастный голос судьи объявляет о том, что гол забил игрок команды «Лисы». И почти сразу же за этим – четвертый гол.

Четыре-два. Опять проиграли, а ведь, казалось бы, «Лисы» – не самая сильная команда.

* * *

В раздевалку ребята вернулись хмурые и злые.

– Кому продули! Позор! – Миша Пономарев тяжело опустился на скамейку и принялся снимать экипировку. – Нас теперь в следующий раз с детсадовской группой поставят играть!

– Все потому, что каждый гол забить хочет, – поддержал

его капитан Егор Щукин. – Типа славу заработать, а в защите играть некому.

Егор был бледен и явно подавлен поражением.

– Каков капитан, такова и команда, – откликнулся кто-то в углу.

– Что?! – Щукин подозрительно оглядел ребят.

Его родной брат Дима насвистывал и глядел в потолок так многозначительно, что Егор сдвинул брови и направился к нему.

– Шухер! – дверь раздевалки приоткрылась, и в проеме появилось румяное лицо Бакина. – Дед идет!

Жарский, вошедший в раздевалку сразу за Бакиным, был красен, как хорошо отваренный рак. Седые короткие волосы топорщились в немом возмущении.

– Что это за дела?! – прошептал Кисляк сидевшему рядом Димке Щукину.

– Что это за дела?! – продублировал громко первый тренер.

– Шестое поражение за сезон, – продолжил так же шепотом Кисляк.

– Шестое поражение за сезон! – тренер окинул ребят гневным взглядом, не понимая, почему Щукин-младший хихикает.

– Это уже ни в какие ворота... – подал следующую реплику Кисляк.

– Слили подчистую! – произнес тренер.

– Не угадал, – Кислый развел руками. – Наш Дед такой непредсказуемый!..

Тут уж несколько ребят, сидевших поблизости от командного остряка, с готовностью прыснули.

– Ах так! Вам смешно, значит? – Жарский покраснел еще сильнее. – Ну что же, продолжайте в том же духе. Тренер вам не нужен, вы сами умные, вот и прощайте. Мне этот срам вот уже где сидит! – он выразительно провел рукой по шее. – Больше вы меня здесь не увидите!

– Сейчас лопнет, – прошипел Кисляк.

На этот раз тренер его услышал, потому что бросил на шутника колючий, пронизывающий взгляд, но, не сказав больше ни слова, вышел, хлопнув дверью.

– Он что, серьезно?! – Егор Щукин, позабыв о своих обидах, поднялся со скамьи.

– Да ладно, не принимай всерьез! – засмеялся Дима. – Будто он в первый раз уходит. Кому он еще нужен. Вернется как миленький. И все будет по-прежнему.

– И мы по-прежнему будем проигрывать... – мрачно закончил его брат.

В раздевалке воцарилась тишина.

Всем вдруг стало как-то неловко, и было непонятно, из-за чего – то ли из-за позорного проигрыша, то ли из-за Деда, то ли из-за невольно вырвавшихся слов...

Лучше уж промолчать и, уйдя в душ, подставить лицо под струю воды, забыв обо всем, слушать, как она плещет об пол,

смыывая с тебя пот, усталость... все то плохое, что было сегодня. И тогда можно будет подумать, что капитан неправ и завтра обязательно станет лучше...

Саша Костров так и сделал. Думать о плохом ему вовсе не хотелось, и так настроение опустилось ниже минусовой отметки. Выйдя из душа, он быстро оделся, натянул куртку, обернул вокруг шеи шарф и, бросив нейтральное: «Пока», покинул раздевалку.

На улице было холодно. Серое январское небо хмурилось, словно и оно было разочаровано поражением «Медведей».

А на ступенях ледового комплекса стояла девушка.

Темноволосая, с чудесными карими глазами, в которых, несмотря на хмурую погоду, затаились солнечные лучики.

– Простите... – девушка взглянула прямо на него, и Саша с удивлением ощутил толчок, словно земля дрогнула у него под ногами.

– Да? – Он остановился, глядя, как студеный ветер играет с выбившейся из-под шапочки прядкой блестящих волос, в которых словно бы тоже запуталось солнце.

– Вы из «Медведей», так? Они сегодня опять проиграли?.. – спросила девушка.

Костров сглотнул. В горле стало неприятно-горько.

– Нет, я сантехник, мимо проходил, – буркнул он, не успев даже подумать, зачем грубит. В выразительных глазах незнакомки появилось такое явное разочарование, что Сашка почувствовал себя последним подонком и законченным

хамом. – Простите, – торопливо сказал он, – неудачный день. Да, я из «Медведей». А вы на какой предмет интересуетесь?

– Мне нужен Андрей Кисляк. Он еще здесь?

Вот теперь был разочарован уже он. Кислый нравится девушкам. Они любят бойких, слегка хамоватых и внешне уверенных в себе, так называемых плохих мальчиков. Просто-таки тренд сезона. Но было как-то особенно больно, что эта милая незнакомка повелась на тренд и готова влиться в стройные ряды девиц, бегающих за прокурорским сыном. Особенно больно и... неприятно.

– Вроде был, – отведя взгляд, ответил Костров.

– Позовите его, пожалуйста.

– Я...

Он хотел отказаться, но вдруг случайно взглянул в ее глаза и не смог этого сделать, и, как дурак, молча развернулся и пошел обратно.

Кисляк еще мылся, с удовольствием отфыркиваясь, как морж.

– Эй, Кислый! – окликнул его Костров. – Тебя там девушка заждалась.

– Это которая? – взлохмаченная голова с любопытством выглянула из кабинки. – Блондиночка или рыжая?

– Темненькая, волосы длинные, глаза такие медово-карие...

– Вот ведь блин! – Кислый принялся обматывать полотенце вокруг бедер. – Достала уже! Вот глаза бы мои на нее не

смотрели!

– Это почему? – Сашка искренне удивился. – Она же симпатичная.

– Понравилась? Так не теряйся! – Кисляк подмигнул ему. – Давай на штурм! Будет тебе на это дело мое святое благословение. Думаешь, она мне нужна? Ни разу. Это родичи хлопочут. Ее папаша да мой с детства из нас сладкую парочку делают. А она туда же – таскается за мной, как собачка!..

Кулаки сжались словно сами собой, и с полминуты Сашка размышлял, не вдарить ли по этой ухмыляющейся физиономии, но потом осадил себя, понял, что просто не имеет права. Кто он такой, чтобы лезть в чужие отношения? Случайный разговор на крыльце еще не дает повода становиться рыцарем прекрасной дамы, которой на него, конечно же, наплевать.

Костров досчитал про себя до десяти и молча отвернулся.

– Эй, – крикнул вслед Кислый, – скажи ей, что не нашел меня, что я, скорее всего, уже ушел!

– Сам ей и говори...

Оставив позади влажную, полную горячим паром раздевалку, Костров перевел дух и снова вышел на улицу, чтобы встретиться с полным ожидания солнечным взглядом.

– Скоро выйдет, – сказал Саша хрипло.

– Спасибо! – Она улыбнулась и вдруг, стащив перчатку, протянула ему свою узкую ладошку. – Меня зовут Яна.

– Саша... – он бережно пожал ее тонкие белые пальчики, словно вырезанные из хрусталя.

– Костров? Номер девять? – в карих глазах зажегся интерес. – Слышала о тебе. Ты молодец...

– Да ладно, – отмахнулся он. – Был бы молодцом – не проигрывали бы...

Яна неуверенно улыбнулась, явно желая сказать что-то утешительное – про то же счастливое завтра, которое непременно придет на смену неудачам сегодняшнего дня, но Костров только махнул рукой и бросил все то же нейтрально-безличное: «Пока...»

– Пока, – эхом отозвалась девушка, и, уходя, Сашка чувствовал на себе ее взгляд, заставляющий даже после неудачи, даже после сегодняшней травмы, несмотря на ноющее плечо, держать спину прямо, словно натянутая струна.

Ловить тут нечего. Отличницы всегда засматриваются на хулиганов. Хотя ладно, Кисляк все же обаятельный, да и игрок неплохой...

– Мне-то какое дело, – бормотал Саша, шагая к дому. – Я вообще о ней завтра не вспомню.

Он врал и понимал, что врет, но от этого вранья становилось немного легче.

А дома ждал новый сюрприз. Родители, успевшие узнать про травму, накинулись на него с новой силой.

«Тебе в институт поступать нужно, а не шайбу гонять!» – и прочие бла-бла-бла.

Кажется, запас Сашкиного терпения на сегодня все-таки истощился. Поэтому, когда отец в качестве последнего аргумента сломал клюшку, нервы окончательно сдали.

– Ах вот как! – произнес Саша. – Ну хорошо! Если вам не нужен сын-хоккеист, считайте, что у вас нет сына!

Мама закричала что-то, бросаясь ему наперерез, но Сашка уже ее не слушал. Хлопнув дверью, он побежал по ступенькам вниз. В никуда.

Глава 2

Девушки и что-то еще

– Кого я вижу! Какой сюрприз! – Андрей Кисляк, улыбнувшись так, что на щеках появились ямочки, сводившие с ума многих и многих девушек, попытался обнять Яну, но та отстранилась.

Андрей, иронически приподняв бровь, посмотрел на нее.

– Я вчера ждала тебя весь вечер, – произнесла девушка напряженным голосом.

– Ну Яна, – он снова улыбнулся, – ты же знаешь, у меня сегодня был матч, требовалось выспаться...

– И телефона, чтобы позвонить, не было, – уточнила девушка, глядя себе под ноги, на пляшущую на асфальте тень.

– Устал, забыл. Нужно подчеркнуть. Ну реально, ты же знаешь, какая у меня запара! – Андрей поднял глаза к небу.

Сказать честно, Яна не пробуждала в нем фантазию. Слишком правильная, холодная... Вот, например, одна из чирлидерш Маринка – вот это огонь, это страсть. Нормально! А не эта – рыба мороженная. К тому же одно то, что отец считал Яну идеальной для сына партией, делало ее шансы вызвать его интерес близкими к нулю. Андрей знал ее давно, она была одним из привычных, устойчивых элементов жизни, примерно как потолок в его комнате – есть, и ладно. О какой страсти тут вообще можно говорить?!

Неподалеку протопал Бакин с невысоким мужиком в куртке курточке и меховой шапке, такой раритетной, что Андрей и не подумал бы, что подобный музейный экспонат вообще можно носить. Кисляк скосил на них глаза. Надо же, это же Бакинский отец, заядлый болельщик.

– Позор! – донесся до них голос Бакина-старшего. – У них один приличный игрок, ек-макарек, и тот сидит на скамейке запасных, штаны протирает!

– Пап... – протянул Семен как-то жалобно.

– А что – пап?! – отозвался тот. – Коррупция у них везде! Ты вон какую банку³ взял, а тебя на скамейке маринуют. А знаешь почему? Потому что у них все блатные! Мафия! У кого папа-мама высоко сидят – те и играют, а настоящему таланту ходу нет!

Они прошли мимо, а Кисляк подмигнул Яне, предлагая ей вместе посмеяться над высказыванием про мафию. Но Яну, похоже, это не развеселило. Она, кажется, вообще не обратила на Бакиных внимания.

– Ты говоришь, что загружен, – продолжала она гнуть прежнюю линию. – Можно подумать, мне нечего делать. У меня, как и у тебя, институт...

Он вдохнул и выдохнул.

– Давай не сейчас, а? Устал, вот клянусь, как собака!

Девушка повернулась к нему и с минуту смотрела прямо в глаза. Андрей даже успел позабыть, какие выразительные

³ Банка – шайба (хоккейный сленг).

у нее глаза – огромные, золотистые. В принципе, есть все-таки в ней нечто...

– Ты прав, – она отвела взгляд и поправила на плече сумочку, – не сейчас. И потом тоже, наверное, не надо. Просто ты другой человек... Не мой человек.

Яна зашагала к припаркованной на стоянке машине. Девушка уверенно водила уже почти год. Дочка начальника местного ГИБДД – еще бы у нее не было машины.

– Ян! Ну это глупо... – Андрей догнал ее, когда она уже садилась в автомобиль.

– Вот именно, что глупо.

Дверца захлопнулась, и машина рванула с места.

– Во дела, – Кисляк вдохнул ледяной воздух и выпустил изо рта струйку пара. Не в обычаях Яны было вести себя так. Если устроила истерику, значит, происходящее ее действительно задело.

«Ну и ладно, – решил он, – будем разбираться с проблемами по мере их поступления».

Скорость и приличная музыка помогали расслабиться и действительно отставить все проблемы в сторону. Автомобиль шел плавно и красиво, иногда Андрею хотелось раздвоиться, чтобы не только сидеть за рулем, но и наблюдать за маневрами со стороны, глядя, как солнце отражается от блестящего корпуса дорогой спортивной машинки. Кисляк вырулил на проспект и тут заметил гибкую девичью фигурку.

Притормозив рядом с девушкой и оказавшись одним колесом в сугробе, он открыл окно, не обращая внимания на тут же устремившийся в салон ледяной воздух, и окликнул идущую:

– Девушка! Простите, далеко собрались?

Она оглянулась и тут же ослепительно улыбнулась.

– Так... гуляю...

В немного манерном голосе звучало неприкрытое кокетство.

– Вы одна? Или с кем-то? – Андрей даже вытянул шею, изображая, как усердно выглядывает ее спутника. – Неужели такую красавицу отпустили одну?

– Отпустили...

– Ну, тогда я с удовольствием подберу! Садись! – Он хлопнул ладонью по кожаному сиденью рядом с собой.

Марина, самая красивая девушка команды чирлидерш, с готовностью открыла дверцу и села рядом. Ей, как и ему, нравились дорогие машины и этот особенный запах солнца и кожи, который витал в салоне.

Андрей чмокнул девушку в щеку, совсем по-деловому уточнил: «Ко мне?» – и, уже зная ответ, тронул автомобиль с места, лихо врываясь в поток.

Едва оказавшись в квартире, они принялись целоваться, не обращая внимания на трезвонящий в сумочке Марины мобильник, на экране которого высветилась надпись «Щука».

Через некоторое время Саша Костров понял, что идти в никуда довольно тупо. Как бы там ни было, куда-то все равно придешь, только герои приключенческих фильмов уезжают в закат. Значит, нужно что-то делать, предпринимать какие-то усилия, на худой конец, найти место, где можно перекантоваться.

Ветер бросил в лицо горсть колючего снега, и Костров решительно повернул к дому Кисляка. Тот жил отдельно от родителей, и хотя характер имел не то чтобы сахарно-медовый, в некоторых вопросах на него можно положиться.

Топая по ступенькам обледеневшими тяжелыми ботинками, Саша поднялся на нужный этаж, нажал кнопку звонка, и в этот же миг из-за двери донесся женский смех.

Костров отступил, только сейчас сообразив, что Андрей может быть не один. Да что там, скорее всего, он и есть не один, а с удивительной девушкой Яной, обладательницей самых солнечных в мире глаз. Убежать? Но ноги словно приросли к полу. Как же нелепо все вышло!

Звякнул отпираемый засов.

– А вот и пицца! – крикнули из-за открывающейся двери, и Саша оказался нос к носу с... Мариной Касаткиной.

Разрумянившаяся, в мужской рубашке, похоже, надетой на голое тело, она выглядела чертовски соблазнительно, но

в то же время она не была Яной!

Облегчение и разочарование от этого факта показались Кострову двумя сторонами одной медали.

– А, Костер?.. Тебе чего? – Из-за плеча Марины выглянул Андрей. Такой же взлохмаченный.

Саша почувствовал, как его щеки розовеют. Очевидно, эта парочка тут не цветочки нюхала. Но как же Яна?! Как можно ее предать? Да и Маринка, насколько он знает, встречается с капитаном, Егором Щукиным.

– Нет, ничего, не важно. – Он отвернулся.

Как же странно, как нелепо все сегодня выходит!..

Уже позже врач команды Фролов Василий Геннадьевич, называемый ребятами в сокращении от имени и отчества ВасГен, рассказывал мне, как нашел Кострова на трибуне спорткомплекса, замерзшего и потерянного.

Другой на месте нашего ВасГена отправил бы пацана домой, а то и просто позвонил бы его родителям и испортил не только отношения, но и все дело. Но ВасГен – человек опытный, не первый год работающий с подростками, хороший психолог и, что на мой взгляд ценнее, дельный человек. Он отвел Кострова к себе, не грузя нотациями и не донимая вопросами, дал время разобраться во всем самому.

– Я видел, он и так на взводе, – рассказывал мне ВасГен. – А еще случайно услышал мой разговор с Жарским. Тот был зол, ну и высказался о ребятах... сам понимаешь... Мол, лег-

че обучить корову играть в хоккей, чем их.

Я молчал. Что тут скажешь, без комментариев.

– Да не со зла Жарский так сказал, – дипломатичный ВасГен тут же принялся защищать бывшего тренера, – просто сил у него не осталось, да и годы...

Я кивнул. И вправду, годы... Они пролетают как-то слишком быстро, отнимая силы, не давая времени оглянуться и исправить сделанные ошибки.

– И что ты сказал Кострову? – поинтересовался я, уже догадываясь, что кто-кто, а наш ВасГен нашел единственно правильные, верные слова.

– А что сказать? – врач развел руками. – Сказал, что хоккей – это когда тебя ломают. Ты падаешь, но все равно встанешь и продолжаешь игру. Несмотря на боль. Несмотря на обиду. Несмотря ни на что.

– И он тебя понял? – Я с напряжением ждал ответа.

– Понял, – круглое, какое-то домашнее лицо ВасГена расплылось в улыбке. – Сашка – он правильный хоккеист, он настоящий.

Вы, наверное, уже недоумеваете, где же в этой истории я? И вовремя: как раз пора и мне появиться на сцене.

* * *

Шла пятнадцатая минута от начала тренировки. Никого

из команды на льду не было. Спортивный директор и второй тренер, сказать по правде, своим присутствием тоже не баловали.

Я стоял у линии, одну за другой отправляя в ворота сложенные горкой шайбы. Сейчас появятся они, мои ребята. Тут важно сразу задать верный тон: покажешься им в первую встречу слабаком и можешь забыть о тренерстве – они никогда в жизни тебя не послушают. И вообще я, честно сказать, предпочитаю жесткость слащавому заискиванию.

Послышались шаги, шум голосов. Я внутренне собрался, даже немного напрягся.

Они замерли у бортика. Совсем дикие, как волчата, взгляды настороженные.

– Эй, дядя! У нас тут тренировка!

Голос молодой, задорный. Я скосил глаза: Егор Щукин.

– Вот именно тренировка. Уже пятнадцать минут как должна идти. – Я подъехал к бортику, принимая удивленные и недоверчивые взгляды. – Давайте на лед. Вы собираетесь тренироваться или нет?

Я знал, что с ними будет сложно, и ребята всячески старались оправдать мои ожидания.

Оставив их для раскатки, я со стороны наблюдал за затеянной ими детской игрой с забрасыванием перчатки в ворота. И ладно бы еще клюшкой забрасывали: руками! Пришлось вмешаться.

– Это что, новый вид спорта? – поинтересовался я, подъезжая. – Смотрю, в хоккее вы уже достигли вершины.

Они немного растерялись, даже Кисляк. Учитывая вчерашнее поражение. Требовалось упрочить позицию.

– Скажи, зачем ты здесь? – спросил я у Миши Пономарева – тихого, серьезного парня с необычайно чистыми, светлыми глазами.

– Я?.. – Миша принялся возить клюшкой по льду.

– Зачем я здесь, мне известно. А ты что здесь делаешь?

– Ну... занимаюсь... В хоккей хочу играть...

– Желательно где-нибудь в «Детройте»? – охотно подсказал я.

– Можно в «Детройте». – Пономарев посмотрел на меня тоскливо.

– Понятно. – Я повернулся к Кисляку: – А ты?

– А я не хочу в «Детройте», – с радостью принял игру тот. – Мне больше «Бостон» нравится.

– А мне Континентальная лига, – поддержал Егор Щукин.

Они засмеялись, считая, что отвечают очень остроумно.

– Давайте посчитаем, – предложил я, проезжая между ними. – Знаете, сколько в России профессиональных хоккеистов? Шестьдесят четыре тысячи человек. Из них в КХЛ драфтуют примерно тысячу юниоров, а в НХЛ⁴ – и вовсе человек восемь. Получается, что ваши шансы составляют при-

⁴ НХЛ – Национальная хоккейная лига, объединяющая хоккейные команды США и Канады. НХЛ стала первой профессиональной хоккейной лигой в мире.

мерно один процент.

– Один и пятьдесят восемь сотых, – поправил Дима Щукин.

Умный мальчик. Далеко пойдет. Если захочет...

– Тем более, – согласился я. – Но знаете, что самое важное для меня? Сделать из вас команду. Сейчас ее нет, но я буду работать над тем, чтобы она сложилась. Тот, кто хочет развиваться, – на выход. Остальные – на синюю линию, работаем.

И они послушались. Пока. Я не обольщался, потому что очень хорошо понимал: это лишь пробный заход, они еще не раз будут испытывать меня, пробуя на прочность, провоцировать и с юношеским любопытством смотреть, что из этого получится. До взаимопонимания нам еще пахать и пахать.

Глава 3

Неудачник из НХЛ

– Кто вообще этот Макеев? Откуда он взялся?

Ребята, собравшись в раздевалке, шумно переговаривались.

– Макеев... Что-то знакомое... – нахмурился Костров.

Но тут в раздевалку заглянул, как всегда румяный и деятельный, ВасГен.

– Все в порядке? – поинтересовался он и, выслушав дружные заверения в отсутствии жалоб, вдруг добавил: – Кстати о Макееве. Если вам интересно, в свое время он был одним из лучших юниоров, а затем играл в НХЛ.

И, не дожидаясь, пока команда придет в себя, исчез за дверью.

Новость, надо признать, произвела впечатление. Егор Щукин, достав телефон, живо добыл из сети информацию, и вскоре уже все ребята, отбирая аппарат друг у друга, читали скупые строки:

МАКЕЕВ СЕРГЕЙ ПЕТРОВИЧ. Воспитанник Челябинской школы хоккея. Играл за юношескую сборную. В тысяча девятьсот девяносто третьем году задрафтован клубом «Монреаль». Участвовал в семи матчах, отдал две голевые передачи, забросил одну шайбу.

– И это всё? – Костров с недоверием посмотрел на экран. –

Всего-то семь игр в НХЛ?

– Как-то не впечатляет, – согласился Егор Щукин. – Коэффициент полезности – ноль.

– Вот именно, – Кисляк криво усмехнулся. – И этот ноль собирается учить нас играть в хоккей!

Сказать, что они были разочарованы, – значит ничего не сказать.

А в это самое время, выходя из ледового дворца, я столкнулся с невысоким мужчиной в уже лет двадцать не модной кроличьей шапке и черной кургузой курточке.

– Эй, – он окинул меня цепким взглядом, – кажется, я тебя вчера видел. Ты на матче «Медведей» был?

– Был, – согласился я.

Мужчина явно обрадовался.

– Николай! – он протянул руку и крепко пожал мою, подаренную в ответ. – Ну что про игру скажешь?

– Сергей, – представился я. – А что тут скажешь, работать надо.

– Работать! – темпераментно воскликнул он. – Да там одни блатные играют! А самых талантливых держат на скамейке запасных, чтобы не составляли конкуренцию. Бакина, например. Вот ведь вратарь от бога!

Видимо, родственника этого самого Бакина я и имел честь видеть сейчас перед собой. Скорее всего, отца.

– Буллиты он берет хорошо, – согласился я нейтрально. –

А вот с общей статистикой по игре – не очень.

Отец Семена Бакина покраснел. Видно было, что вопрос живо его трогал.

– А судьи кто? Все продаются!

Он махнул рукой, выражая бесполезность попыток борьбы с прогнившей системой, и пошел прочь.

А ко мне уже спешила симпатичная женщина с красивым, но уставшим лицом и опущенными плечами – так и казалось, будто она давно уже таскает на себе какой-то невидимый, но весьма весомый груз.

– Прощу прощения. – Она чувствовала себя неловко. – Вы – Сергей Петрович, новый тренер «Медведей»? Я – Ольга Владимировна, мама Саши Кострова...

Она сделала паузу, выжидательно глядя на меня.

– Да, я слушаю.

– У нас проблема! – Ольга Владимировна сжала на груди руки. – Саша ушел из дома из-за хоккея. Вы понимаете, он стал хуже учиться... потом эта травма... Мы с его отцом хотели бы для него другой участи. Может, вы поговорите с ним... скажете...

Она сбилась. Я чувствовал, к чему клонит эта уставшая женщина, но не собирался приходить ей на помощь. Если уж решилась, пусть сама доведет до конца.

– Скажите ему, что у него нет способностей! – Ольга Владимировна просительно заглянула мне в глаза. – Пожалейте его! Хотя вы, конечно, ничего о нем не знаете...

Ведь и вправду решилась. Забавная разница с отцом Бакина.

– Александр Костров, номер девять? – уточнил я.

Она пожала плечами – я мог бы поспорить, что эта женщина не помнит номера, под которым играет ее сын.

– Сыгранных матчей – двенадцать. Забитых шайб – десять, из них пять в большинстве. Восемь голевых передач. Итого – восемнадцать очков, коэффициент полезности – плюс пять, – подвел я итог, не без удовольствия отметив, что Ольга Владимировна дезориентирована. – И вы считаете, что Сашу нужно жалеть?

Она открыла рот, но снова закрыла, так и не произнеся ни звука.

– Простите, я опаздываю. – И, не дожидаясь ее ответа, я сел в машину.

Костровым нужно научиться разбираться с семейными проблемами самим, и ложь никогда не помогает в подобных вопросах, уж поверьте моему опыту.

Вторая проверка состоялась буквально на второй тренировке. Когда ребята только появились на льду, я понял, что они возбуждены. Они были как порох – только поднеси спичку! И буря не замедлила разразиться.

– Сергей Петрович, вот вы нам говорите, как нужно играть.... Это вас в НХЛ за семь матчей научили? – не замедлил отреагировать Кисляк на первое же замечание.

Они все смотрели на меня, жадно ожидая реакции. Как молодые волки, почуявшие кровь и уже готовые вцепиться в горло добычи. Забавно, вот сейчас они фактически были командой. Сейчас, когда хотели затравить кого-то, а не в тот момент, когда выходили на лед, чтобы встретиться с соперником. Надо будет этот момент учесть...

– Тебе показать, чему меня в НХЛ учили? – подал я ответную реплику.

Кисляк, судя по довольной улыбке, только этого и ждал.

– Показать, конечно. Если вы еще помните, а то я слышал, вы больше по теоретической части...

– Кислый! – попытался одернуть его Дима Щукин.

– Вы все хотите посмотреть? – Я оглядел ребят. Мало кто из них осмелился взглянуть мне в глаза. Нет, пожалуй, даже не волки... Плохо.

– Хотят-хотят! Стесняются просто! – выдал Кисляк.

Я вызвал на лед Кисляка, Кострова и Щукиных. Диму поставили в ворота. И началось.

Ребята хотели умыть меня, и малышу ясно, что после поражения мне нельзя будет подходить ко льду ближе чем на триста метров. Значит, выхода не было: оставалось только победить. Я действовал, но в какой-то момент сознание раздвоилось, и мне казалось, что я наблюдаю всю сцену с трибуны.

Обыграть Щукина... сделать финт перед Костровым и прокинуть шайбу Щукину между ног... Пройти вдоль бор-

та... Тяжелее всего оказалось, когда Кисляк силовым приемом толкнул меня в борт. В этот миг в ногу, на которую пришла старая травма, что-то хрустнуло. Боль вспыхнула ярким цветком, на миг заслонив собой целый мир, раскрасив его в пламенно-алый. Но ничего, шайбу удержать удалось. Дальше – на последних силах – выкатить «на пятак» и забросить шайбу. Гол!

Нога пылала, перед глазами расплывались цветные пятна, но я видел потрясенные лица своих учеников, видел в их глазах уважение – и оно того стоило.

– На сегодня всё! – объявил я и, стараясь хромать не слишком заметно, двинулся прочь.

До тренерской я добрался, наверное, на одной силе воли и вдруг подумал: видели бы меня сейчас ребята, точно решили, что им подкинули ни на что не годного инвалида. Хромой, как черт. Хорошо что не видят, незачем им видеть такое.

* * *

Миша Пономарев шел с тренировки разбитый. Зря они так на нового тренера наехали. Вроде нормальный мужик. Как детей их уделал, а ведь выбрал самых сильных из команды. Может, и выйдет толк... В любом случае хуже, чем сейчас, не будет. Вот он, Миша, сказал на прошлой тренировке, что не против играть в «Детройте», будто ждут его в этом

«Детройте». Ждут не дождутся, когда Пономарев, сын дворового алкаша, пожалует.

Миша сжал зубы так, что они заскрипели.

Какой там «Детройт». Ничего у него не будет. Только этот пыльный двор с большим вонючим мусорным контейнером и детской площадкой, где и собираются алконавты. Только грязный, остро пахнущий кошачьей мочой подъезд с неприятно-синими, потрескавшимися стенами. Только тесная квартирка, где его ждет бабушка, измотанная стараниями сварить из топора борщ, чтобы накормить себя и внука. А вы говорите – «Детройт» ...

Он открыл обитую черным, потертым дерматином дверь и крикнул в глубину квартиры:

– Ба! Я дома, но уже убегаю!

– Куда! А поесть? – Она выглянула из комнаты с утюгом в руках. Старенькая уже, но ни минуты без дела.

– Я не голоден, да и пора мне, – Миша развел руками, – сегодня три заказа развезти надо.

– Хоть бутерброды возьми. – Бабушка метнулась в кухню и сунула ему пакет с едой. Приготовила заранее. Знала, что внук забежит всего на минуту.

– Спасибо, ба! Ты у меня самая лучшая! – Он поцеловал ее в седую макушку, удивляясь, какая же она маленькая, пристроил хоккейную амуницию и выскочил за дверь.

Работа в интернет-магазине позволяла получать хоть немного денег, и Миша ею очень дорожил.

Он быстро отвез два заказа. Оставался последний.

«Наверное, небедные люди», – думал Пономарев, входя в подъезд дома, расположенного по третьему адресу. Дом был довольно новый, красивый, с консьержкой. В нем не пахло мочой, а напротив, стояли какие-то цветы. И лифт оказался не изгаженный, шел плавно, без надрывного воя.

Миша подошел к нужной квартире и позвонил.

– Кто там? – откликнулся девичий голос.

– Курьер. Вы книгу у нас заказывали, – ответил Пономарев.

Дверь открылась, и на пороге показалась... Она. Именно так – с большой буквы.

Она – это Алина Морозова, девочка с фотографии на стенде ледового дворца. Миша всегда останавливался у ее фото и даже разговаривал с ним, когда никто не мог слышать. Ему и в голову не приходило подойти к Алине в реале. Она была словно из другого мира. Как-то Миша видел, как она каталась на льду со своим партнером, похожая на сказочную принцессу. Такая далекая...

И вот теперь они стоят друг напротив друга и смотрят друг другу в глаза.

– А я тебя знаю, – вдруг произнесла Алина. – Ты хоккеист, видела тебя на тренировке.

Он смутился. Конечно, надо было сказать что-то остроумное, что-то такое, что обязательно произведет на нее впечатление. Кисляк, наверное, с таким легко бы справился. Кис-

ляк бы справился, а он, Миша Пономарев, не может. Он может только стоять и смотреть на Нее.

– Проходи, – Алина посторонилась, пропуская его в квартиру.

– Да нет... я лучше это... я так...

В рот словно залили противной вязкой каши.

– Алина, кто это там? – За девушкой появилась еще не старая ухоженная женщина со светлыми волосами и надменным лицом. – Это к тебе?

– Нет, к тебе. Книгу привезли.

Он отдал пакет и едва не забыл взять деньги. Словно наваждение какое-то. Руки и ноги казались пришитыми и ужасно мешались, Миша сам удивлялся, насколько нелепым и неуклюжим он вдруг стал.

Но был и один плюс. Алина ему улыбнулась.

* * *

В этот вечер, как и в прошлый, Костров пришел в медпункт ледового дворца.

Увидев его, ВасГен покачал головой.

– Ты что, опять ночевать?

Саша растерялся.

– Так ведь вы разрешили...

– Это вчера разрешил, – врач усмехнулся, – а сегодня гостиничные услуги объявляю закрытыми.

– Я понял.

Костров закинул на плечо сумку, сразу ставшую весом, наверное, с грузовик.

– Не понял, – возразил ВасГен. – Иди домой. Погулял – и хватит. Запомни: лучшее лекарство от душевных ран – это приготовленный мамой борщ.

– Понял, – пробормотал Саша и вышел прочь.

Глава 4

Обратное ускорение

Они уже почти переоделись к тренировке, когда дверь вдруг распахнулась, и в раздевалку вошла... Марина. Короткая маечка, открывающая живот, и задорная юбка, едва прикрывавшая попу, демонстрировали во всей красе ее великолепную фигуру. Стройными ногами можно было любоваться до бесконечности.

– Марина? – удивился Егор Щукин. – Что ты здесь делаешь?

– Отвянь, Щука, я не к тебе!

Не обращая внимания на парней, Марина приблизилась к Семену Бакину. Остановилась рядом и, округлив розовые губки, выдула из жвачки большой радужный пузырь.

– Привет, Бакин! – сказала девушка, немного нагнувшись к сидящему на скамейке Семену.

От этого декольте поползло вниз, и от завораживающего зрелища наполовину открытой груди у Семена закружилась голова.

– Привет, – отозвался он, заморожено, словно мышь, за- гипнотизированная большим удавом, глядя на нее.

– Не пригласишь ли девушку в кино? Давно хотела с тобой встретиться. Ты же не откажешь мне, Бакин? Бакин?..

– Ба-акин? Ты что, заснул?

Семен подскочил на лавке и затряс головой. Ребята уже закончили переодеваться, и никакой Марины в помещении не было, а за плечо его тряс Егор Шукин.

Сон... Всего лишь сон. Вот ведь приснится такое!

– Не, не сплю! – заморгал глазами Бакин.

– Ну тогда двигай. Сам знаешь, наш новый опозданий не любит.

* * *

– Ситуацию в турнирной таблице все помнят? – Я оглядел ребят.

Костров был серьезен и хмур. Бакин выглядел слегка обалдевшим и заспанным – ничего, на разминке проснется. Шукины бодры, готовы к покорению спортивного Олимпа. Пономарев немного рассеян, но за него я почти не волнуюсь: силы воли у парня достаточно. А вот Кисляк нервничает, интересно бы знать, почему.

– Помним, – отозвался нестройный ряд голосов.

– Вот и отлично. Через три дня у нас встреча с «Пантерами». Выиграем – вернемся на пятое место. Вот наша текущая задача.

– Мы их уже обыгрывали, – напомнил Кисляк, – в прошлом месяце.

– Значит, они сделали выводы и подготовятся лучше.

Придется принять дополнительные меры.

Я достал схему площадки и начал давать текущее задание.

– Сначала разминаемся. Затем катим по кругу, на синей линии взрываемся. Центральную зону прокатываем за три секунды...

– Это невозможно! – тут же встрял Кисляк.

– Нереально – за две. За три – реально.

Они вышли на тренировку, но не выкладывались и, как следствие, конечно, тормозили. Работали без огонька.

– На прохождение центральной зоны – три секунды! – напомнил я. – Кисляк, соберись!

– Не могу я за три секунды! – набычился он.

Непростой парень и явно о чем-то другом думает. С кем-то, например с тем же Костровым или Пономаревым, можно поговорить. С этим – нет. Не станет он открываться перед чужим человеком: уйдет в глухую защиту, прикрывшись напускной бравадой и клоунством.

– Можешь. Спорим?... Давай сюда, на линию, прокатимся. А ты, Щукин, – я кивнул капитану «Медведей», – засекай время.

Мы встали на линию. Стартовал я не слишком резво, давая время разогнаться, но затем стал наращивать скорость. Знал ведь, что Кисляк мне ни за что не уступит: сделает что угодно, через голову перепрыгнет, но будет стараться.

Разумеется, сработало. Центральную зону мы миновали как раз в три секунды. Или даже в две с половиной.

– Ну как, уложились? – уточнил я у Егора.

– Тютелька в тютельку, – подтвердил он.

– Ну вот, – я повернулся к Кисляку, – а говорил, будто не можешь!..

После этого тренировка пошла резвее. Правда, был еще один момент, который меня серьезно смущал.

– Юрий Михайлович! – окликнул я второго тренера.

Романенко в клубе лет десять, учил моих ребят, пока те еще были мелкими. Неплохой в целом тренер, но как бы... с гнильцой. Спелись они со спортивным директором, это точно. Думаю, эту выгребную яму еще чистить и чистить. Нехорошо, неприятно, а придется...

– Да?.. – Он хмуро взглянул на меня холодно-голубыми глазами.

И не притворяется, что рад моему появлению. Впрочем, это неудивительно: надоело небось во вторых тренерах ходить.

– Почему у нас Петровский в нападении? Из него нападающий, как из слона балерина. Не взрывной он – вот и все.

– Зато отец у него взрывной. Если что нужно, всегда подкидывает. Для команды, – нехотя пояснил Романенко.

А ведь в чем-то прав этот забавный отец Бакина. Есть в его словах про продажность некая сермяжная правда. Ну ничего, и с этим разберемся.

– Понятно. – Я усмехнулся и поправил козырек кепки. – Поэтому он и в первой пятерке, ведь так?

– Сергей Петрович!..

За моей спиной стоял Казанцев – спортивный директор и опора Романенко.

Вместе они смотрелись весьма комично. Здоровенный, как-то по-детски наивный Романенко и маленький круглый Казанцев с лицом прожженного плута.

– Сергей Петрович, понимаю ваши чувства, но перед матчем я бы на вашем месте не стал заниматься перетасовкой, – сказал спортивный директор.

– Слава богу, что вы не на моем месте.

Самодовольное лицо Казанцева сморщилось, словно он проглотил что-то невкусное.

– И кстати, – продолжал я, – тут в одной из комнат клуба шины обнаружили. Уж простите, пригнал грузчиков, чтобы вынести их на улицу. У ребят как раз сушилki не хватало. Знаете, какие у нас трудности с помещением...

Романенко побагровел. Казанцев, держащий себя в руках значительно лучше, несколько секунд пялился на меня, а потом вдруг расплылся в приторно-сладкой лживой улыбке.

– Я, смотрю, вы на новенького порядок наводите! Ну-ну! Дерзайте.

Авгиевы конюшни. Сколько же... пardonьте мой французский... дерьма скопилось здесь за все годы!..

– Марин!

– Раз, два, три, четыре... Переход.... Раз, два... Продолжаем без меня...

Она легкой птичкой порхнула к Егору Щукину и, оглянувшись на тренирующихся девушек из команды чирлидерш, чмокнула его в щеку.

Егор заулыбался, а у наблюдающего за ними Саши Кострова похолодели руки.

Нехорошо выходит. Марина обманывает Егора, встречается и с ним, и с Кислым. А Кислый, в свою очередь, обманывает и предает ту замечательную девушку Яну... А ему, Сашке, что остается? Наблюдать за всем этим со стороны? Делать вид, будто это его совершенно не касается?..

Вмешиваться неприятно, но все-таки, наверное, надо. Обман и несправедливость пышно цветут среди равнодушия. Недаром мама повторяла чьи-то строки, в которых говорилось: «Бойся равнодушных, ибо с их молчаливого согласия происходит все зло на земле». Значит, оставаться равнодушным нельзя.

Саша шагнул к парочке.

– Давай, Шука! Сегодня в семь. А сейчас иди! – Марина поспешно подтолкнула Егора в спину и тот, улыбаясь, явно счастливый, двинулся к выходу.

Надо бы догнать его и все же предупредить...

Но Марина преградила Кострову путь и обожгла злым взглядом.

– Только не надо болтать! – сказала она, удерживая его за руку. – Ты же умный мальчик, а не бабка у подъезда. Вот сам подумай, кому лучше от твоей болтовни будет? Щуке? А если у меня с ним серьезно? Хочешь сделать его несчастным? Как раз перед игрой?

Он молчал. В ее словах был некий резон, но послушаться ее – не значит ли стать равнодушным?..

– Спасибо! Я всегда в тебя верила! – И Марина вернулась к своей группе. – Девочки! Начинаем заново. На исходную! Если бы в жизни все было так же понятно, как в книге!..

* * *

Нормально! Андрей Кисляк вышел из здания в плохом настроении.

Мало того что новый тренер опять умыл его, словно детсадовца, еще и отец со своими наездами. Узнал, что дочка его драгоценного друга незаслуженно обижена! Боже ты мой, какая трагедия! Да что этой холодной Яне сделается! Будет он еще за ней бегать!.. Ща, разгонится... и...

Андрей замер, потому что на парковке происходило нечто очень странное. Его хорошенькую спортивную машинку за-таскивали на автопогрузчик. Это было уже СЛИШКОМ.

Кисляк поспешно нажал на кнопку на мобильном.

– Пап! Это я!.. Да, помню, мы вчера немного поспорили...

Но дело срочное. Представь, мою машину на штрафстоянку забирают. А я уже пару дней ничего не нарушал, верняк!

– А вот теперь послушай внимательно... – Голос отца был холоден и беспощаден, как несущийся тебе в лоб здоровенный трейлер. – Если до тебя через голову не доходит, может, дойдет через ноги. Походи пешком и хорошенько подумай о своем поведении...

– Не понял... Это что, из-за Янки?..

– Не из-за Янки, а из-за Яны, – поправил отец. – И пока не помиришься с ней, будешь ходить пешком. Удачи...

Гудки – и связь оборвалась.

– Вот блин! Нормально! – пробормотал Кисляк, в недоумении глядя на телефон.

* * *

В кафе играла негромкая музыка. На столиках стояли маленькие букетики и свечи, вместо подсвечников поставленные прямо в бутылки, словно причудливыми наростами покрытые застывшим красным воском.

– Тут романтично! – Марина огляделась, отметив, что кроме них, парочек в кафе немного.

– Я соскучился. – Егор накрыл ее руку своей ладонью. – Мы так давно не встречались вот так, вдвоем...

– Да... – Она аккуратно высвободила руку и повела плечами, словно стряхивая с себя что-то невидимое, и тут же перевела разговор: – Как тебе новый тренер?

– Хорошо.

Официант принес мороженое, и Марина тут же отделила ложечкой кусочек от ярко-оранжевого мангового шарика, попробовала и состроила довольную гримасу.

– Вкусно... А я слышала, что ваш новый типа в неадеквате. Нет?

– Больше слушай всякие сплетни. – Егор попробовал свое мороженое.

– А что мне остается делать, ты же ничего не рассказываешь и вообще все время молчишь! – Девушка, склонив голову к плечу, смотрела на него так, словно видела впервые.

– Я устал. Тренировка. И вообще...

– Ой! Хочешь, я тебе ролик покажу! Вот, недавно на телефон записала.

Девушка протянула Егору телефон. Тот принял, но как-то неуклюже.

– Извини, закрылось. Сейчас... Марин, а что это такое?

Щукин словно бы потемнел, а между бровей залегла строгая складочка.

– Что? – Она перегнулась через стол. – Список вызовов, а что такого?

– А зачем тебе Кисляк вчера три раза звонил?

– Ой, а ты ревнуешь! – Марина весело засмеялась. – В

любви признавался! О свидании просил! Что ты на меня так смотришь? Зачем бы он еще мне звонил?!

– Марин, я же серьезно! – упрекнул он, отставляя вазочку с тающим мороженым.

– А если серьезно, то он тебя искал. Не веришь? Вот давай ему сами позвоним!

Она выхватила у Егора телефон и набрала номер.

– Андрей, привет! Это Марина. Твой капитан команды очень интересуется, зачем ты мне вчера аж три раза звонил. Объясни ему, пожалуйста, зачем ты его искал. Передаю трубку!

Егор взял у нее телефон, и лицо его посветлело и разгладилось.

– Ну вот, – сказал он Марине, – хотел мне билеты на концерт сбагрить.

– А ты и поверил про свидание? Прямо Отелло какой-то!

– Да ладно. – Шукин расплылся в улыбке. – Просто ты очень красивая, и мне кажется, что все парни только на тебя и смотрят!

– И пусть смотрят! – Марина поднялась и покрутилась, привлекая к себе внимание всех сидящих в кафе парней. – Пусть завидуют!

Глава 5

Приобретения и потери

– Здравствуйте. Макеев Сергей Петрович? Вас беспокоят из полиции...

Не каждый вечер заканчивается подобным звонком. Признаться, от неожиданности я едва не въехал в черный внедорожник. Тот, наверное, обалдел от наглости затрапезной девятки.

– Да, – в последний момент я успел вдавить педаль тормоза. – Я слушаю.

– Имя Александра Кострова вам что-нибудь говорит?

– Конечно, это из моей команды. А что случилось?..

– Приезжайте в участок, мы вам все объясним...

Я тихо выругался и, развернувшись прямо перед носом серебристо-голубого «Пежо» так, что из-под колес во все стороны брызнул снег, поехал к отделению милиции.

Там меня ожидал сюрприз. Сашу Кострова задержали за то, что он ошивался на вокзале. Вот ведь упрямый!

– Ну все, поехали, отвезу тебя домой, – сказал я, когда полиция сочла личность Александра Кострова установленной и перестала смотреть на него как на потенциально опасный для общества элемент.

– Я не поеду. – Саша не смотрел на меня, только себе под ноги.

– Садись, – раскрыл я перед ним дверцу машины.

– Я сказал, что не поеду домой!

Похоже, неприятности оказались большими, чем я предполагал.

– А ко мне домой поедешь?

Саша растерянно взглянул на меня и кивнул.

Десять минут – и мы уже в моей квартире. Костров с любопытством оглядел многочисленные ящики – так и не разобрав их со времени переезда. С комфортом у меня, конечно, так себе. Диван старый, продавленный, обшарпанный стол, на котором лежат сразу несколько книг, маленькая кухонька со старым, нутужно работающим холодильником, содержащим в своих недрах вместо полезных паровых котлет и свежих овощей несколько пакетов с полуфабрикатами модели «бросил на сковородку и разогрел». В общем, типичная холостяцкая берлога.

– Извини за бардак, недавно въехал, – объяснил я.

– Да нет, все нормально.

Вежливый мальчик. Кисляк наверняка нашел бы точное и едкое определение.

– Сейчас накормлю. – Я двинулся на кухню, чтобы извлечь из холодильника те же полуфабрикаты. – Наверное, голодный как волк.

Саша сглотнул, а потом кивнул. Вот и отлично. Чем меньше пустых церемоний – тем лучше.

Пока я возился, парень немного освоился.

– Ваш канадский тренер? – кивнул он на фото, стоящее у меня на шкафу.

– Больше, – я вздохнул. – Бобби Хьюз, спортивный врач. Отличный человек. Он мою ногу буквально по кускам собирал. Если б не он, наверняка я сейчас не на коньках, а в инвалидной коляске рассекал.

Он посмотрел заинтересованно.

– Такая тяжелая травма была?

Я пожал плечами:

– Бывает и хуже. Да что ты стоишь, как в гостях? Мой руки и садись наворачивай.

Уговаривать Кострова не пришлось, а когда он наконец наелся, то рассказал о ссоре с родителями.

* * *

– Ну что, сын, учишься?

Семен Бакин дернулся и взглянул на отца.

Тот стоял над ним с газетой в руках. Волосы всклокочены. Недобрый знак. В моменты волнения отец любил запускать в шевелюру всю пятерню.

– Уроки делаю, – осторожно ответил Семен.

– Бросай свои уроки! Вот лучше послушай. – Бакин-старший надел очки и принялся читать: – Известный хоккеист Патрик Руа родился в провинции Квебек... Нет, это неинтересно... А, вот! Отец Патрика с детства развивал у сына ре-

акцию. Для этого он ставил мальчика у стены сарая и кидал ему крупные куриные яйца. Поскольку доходы семьи происходили от продажи яиц, Патрик старался не упустить ни единого яйца...

Дочитав, отец поднял очки на лоб и посмотрел на сына:

– Ну как тебе?

– Нормально, – Семен пожал плечами, – теперь что, можно уроки делать?

– Да погоди ты! Я сейчас...

С этими словами Бакин-старший удалился на кухню, оставив сына в еще большем недоумении. А когда вернулся... Семен понял, что дело – труба. В руках у отца были те самые упомянутые в статье куриные яйца.

Парень попятился, надеясь, что отец все же шутит. Напрасно. Шутить Бакин-старший не любил.

В общем, первые три яйца Семен поймал, а потом ситуация изменилась. В общем, когда отец решил все же сдаться и прекратить бесчеловечный обстрел, стена и пол оказались заляпаны.

– Ну вот, ек-макарек, – вздохнул отец, оценивая последствия тренировки, – а еще вратарь! Простого яйца поймать не можешь, где же тебе шайбу взять!

– Так шайба – совсем другое дело... – попытался возразить Семен.

– Молчи уж... – Бакин-старший запустил пальцы себе в волосы и дернул, словно от стыда за сына хотел вырвать их

с корнем. — Уж лучше бы на яичницу пустили...

— Спасибо, после сегодняшнего я эти яйца видеть не хочу! — парень передернулся. — А вот вернется мама из рейса, и нам серьезно влетит.

— Не нам, а тебе. Кто у нас голы пропускал? — возразил отец не слишком уверенно, но все же пошел за тряпкой.

А Семен в это время подобрал газету, послужившую сегодня источником несчастья, и взгляд его упал на дату.

— Пап! — заорал он во всю мощь молодых здоровых легких. — Так газета твоя от первого апреля! Про Руа — это шутка!

— Что, правда? — Отец заглянул в комнату, почесал затылок и снова вздохнул. — Ну... — наконец сказал он, — давай, помоги с уборкой. И... не говори ничего маме, ладно? Ермакарек, кто же знал, что они так шутят?..

* * *

За окном было белесое, подернутое снежной завесой утро. Город просыпался медленно и неохотно. Но Миша Пономарев, напротив, вскочил с кровати абсолютно бодрым.

Вчера был неплохой вечер. Он много ездил, развозя заказы, а в завершение получил от шефа конверт с деньгами. Как раз очень кстати. Это первая приятность. А вторая... Вторая — та, что сегодня он увидит Алину Морозову. Заглянув вчера в расписание тренировок фигуристов, он убедился, что

сегодня девушка будет занимать лед за час до них. Значит, можно постоять немного, глядя на изящную девичью фигуру, легко выписывающую всякие сложные пируэты и прыжки, называемые очень смешно – тулупами.

Бабушка уже встала. Они быстро позавтракали. Пора выходить в школу и на тренировку. Миша стал собирать амуницию и вдруг понял, что коньков на привычном месте нет.

– Ба! – крикнул Миша. – Ты мои коньки не видела?

– Может, в комнате? – предположила она, тоже заглядывая в старенький обшарпанный шкафчик, стоящий в прихожей.

– Нет их там!.. – Пономарев нахмурился. – Вчера я, как всегда, их в угол поставил, вместе с сумкой, прежде чем идти на работу... Погоди... А отец случайно не заходил?

Бабушка вздохнула.

– Как же, заходил, ирод. Деньги просил.

– А ты? – насторожился Миша.

– Не дала, конечно. Кто же ему даст?!

– А он что, в мою комнату заглядывал?..

Подозрение было таким нехорошим, что все внутри у Миши сжалось.

Бабушка схватилась за грудь и покачала головой.

– Может, найдутся еще коньки, Мишенька?.. – проговорила она с надеждой.

– Может, и найдутся.

Искать было бесполезно. Увы, но такое уже случалось в

их жизни, что отец уносил какую-то вещь, чтобы продать ее и купить себе бутылку.

«Все пропало», – понял Миша, и утреннее хорошее настроение испарилось без следа.

* * *

Эта ссора с родителями выглядела глупо. В глубине души Саша Костров и сам понимал, что в конфликте была и его вина. И родителей жалко, и слова тренера про то, что дом – это тыл, и если в тылу плохо, то и на площадке ничего не выйдет, звучали резонно. А еще Саша очень соскучился, хотя не желал признаваться в этом даже себе.

В общем, выйдя с утра из квартиры Макеева, где впервые за эти несколько дней спокойно проспал целую ночь, парень без сомнений направился к дому.

Как и тем вечером, когда он уходил отсюда, Саша не стал дожидаться лифта. Воспользовавшись лестницей, он буквально вбежал на свой этаж, с замирающим сердцем открыл дверь квартиры и... чуть не столкнулся с отцом, в руках у которого была новенькая хоккейная клюшка!

– Кто там? – послышался из комнаты голос матери.

И, пока отец и сын смотрели друг на друга, она уже выбежала в холл и бросилась в объятия сына.

Это было так хорошо и правильно, что Саша сглотнул, чувствуя подступающие к глазам слезы. С минуту отец еще

глядел на жену и сына, а потом, широко раскинув руки, обнял их обоих.

И вся та ледяная стена отчуждения, что вдруг возникла между ними, плавилась теперь, как плавится лед с наступлением настоящей весны.

* * *

Надо ли говорить, что на тренировку Саша Костров пришел, словно прилетел на крыльях.

Я, конечно, заметил его новую клюшку. Никаких вопросов не требовалось, чтобы понять, что у Кострова все хорошо. Я только подмигнул ему – разумеется, когда никто из ребят не видел, и Саша расплылся в довольной улыбке.

То, что ситуация разрешилась так благоприятно, было хорошо, тем более что сегодня мне предстояло нелегкое дело. Сорняки нужно полоть с корнем, не жалея. Поэтому, проанализировав каждого из игроков, я составил список тех, кто мешает работе команды, и был намерен огласить его на сегодняшней тренировке. В число исключенных попадал и Петровский, отец которого обеспечивал команду соляжкой. Смешной отец Бакина был прав: нужно очистить коллектив от всех блатных, какое бы недовольство это ни вызвало у второго тренера и спортивного директора, изо всех сил радующих о финансовых интересах команды.

Кандидатов на убывание получилось шестеро. Правда,

вскоре к ним прибавился и седьмой. Миша Пономарев. Он умудрился явиться на тренировку без коньков, объяснив это тем, что коньки украли в автобусе. Жалкое оправдание, какое-то детское. Настоящий хоккеист никогда не выпустит из рук свой инвентарь, а в команде ротозеям не место. Жалко ли мне Пономарева? Я не имею права на жалость, когда передо мной стоит задача спасти команду. Оставишь слабое звено – и порвется вся цепь.

Оглашение этого решения, конечно, вызвало в команде волнение. После тренировки ко мне подошел Егор Щукин. Капитан команды, бледный, но решительный, объявил мне в глаза, что не согласен с моим поступком. Хороший парнишка, храбрый.

– Я хочу, чтобы команда появилась. Поверь, в отношении ребят у меня ничего личного. Хоккей вообще жестокий вид спорта, и для вас теперь все будет по-взрослому, – ответил я, и Егор ушел.

Хотя я видел, что он так со мной до конца и не согласился, был убежден, что время нас рассудит.

И это действительно произошло, причем самым неожиданным для меня образом.

Пonomарев серьезно удивил меня, когда явился на следующую тренировку.

– Миха! Привет! Какими судьбами? – приветствовал его Егор Щукин.

– Так, пришел шайбы вам подавать... – ответил парень угрюмо.

На нем были старые коньки, настолько заношенные и порванные, что это заметили и другие ребята.

– Что у тебя за «кони»? – удивился Костров.

Миша смутился.

– Других в прокате не было, – сказал он, глядя себе под ноги.

– Да, – выдал непременною шутку Кисляк, – у них никогда не поймешь: сорок три – это размер или год выпуска?..

Ребята дружно засмеялись, а я, выйдя на лед, сделал вид, будто не замечаю Пономарева. Если он действительно предан хоккею, у него есть шанс это доказать. Возвращение в команду нужно заслужить, хотя, видя его лицо, я уже начал сомневаться в правильности своего решения. На растяпу парень не похож. Ну что же, пусть проявит себя. Уже не как мальчишка, а как взрослый, который умеет добиваться и преодолевать препятствия. Уверен, что у Миши есть реальный шанс.

* * *

Тренировка закончилась, ребята уже давно скрылись в раздевалке, но Миша Пономарев продолжал выполнять упражнения. Ускорение, прохождение центральной зоны... остановка... Возвращение на исходную... Ускорение...

Коньки нещадно жали. Нужного размера в прокате не нашлось. Пришлось брать то, что есть. Хорошо смеяться Кислomu – у него, конечно, новенькие коньки самой последней модели. А потерялись бы они – ничего, отец новые купит. Удобно, когда за спиной надежный тыл и отец, который всегда поможет. Не его, не Мишина, ситуация. И что делать? А вот что: стискивать зубы и возвращаться на линию. Ускорение, прохождение центральной зоны, остановка... И так – сколько потребуется. До бесконечности.

– Эй, Пономарев!

Миша огляделся. Ведь и не заметил, как на трибуне появился ВасГен.

– Пономарев, ты чего? Хочешь кому-то что-то доказать?

Он перевел дыхание.

– Прежде всего самому себе, – сказал Миша глухо.

– Но это не повод себя загонять. Без контроля и без отдыха ты нанесешь себе больше вреда, чем пользы, – покачал головой врач. – К тому же мне кажется или ты на левую ногу припадаешь?

– Все нормально, – Миша хотел вернуться на линию.

– На сегодня хватит! – голос ВасГена стал жестким. – И давай ногу посмотрю.

– Нет, не надо... – Миша отчего-то покраснел, словно собирался признаться в чем-то постыдном. – Просто коньки немного жмут. Моего размера не было...

– Коньки?.. – врач внимательно посмотрел на него. – Иди

в раздевалку. Сейчас подойду.

Когда ВасГен появился в раздевалке, в руках у него были коньки.

– Вот, примерь. Кажется, как раз твой размерчик.

Это было похоже на сказку. И, как это случается в сказках, коньки подошли тютелька в тютельку. Как раз то, что нужно.

– Это ваши? Я отдам деньги... – бормотал смущенный Миша, не зная, как и благодарить за неожиданный подарок.

– Да так, лежали без дела. Какие деньги! – ВасГен махнул рукой и рассмеялся. – Вот забросишь в них шайбу – так и отблаговаришь.

Глава 6

Территория обмана

Понюхав гвоздичку, Андрей поставил вазу обратно на столик и взглянул на часы. Тратить на сегодняшнее мероприятие слишком много времени он не собирался.

Стеклянная дверь кафе открылась, и на пороге появилась Яна. В аккуратном светло-сером костюмчике, просто пай-девочка, мечта всех папаш – окружающих прокуроров.

Он помахал девушке, и Яна направилась к его столику.

Кисляк отодвинул для нее стул.

– Ну, зачем ты меня звал? – Она уставилась на него.

Нормально! Мороженая рыбина, честное слово!

– Хочу с тобой помириться! – Андрей взял ее руки в свои. – Давай забудем все разногласия и начнем с чистого листа! Плевать на родителей и на то, что мы знаем друг друга с детства. Давай представим что-нибудь романтическое... Вот, скажем, что мы сегодня впервые встретились...

– Ты шутишь? – карие глаза смотрели недоверчиво.

– Нет! Конечно, нет!

Звякнула, открываясь, дверь, и боковым зрением Андрей заметил, что в кафе входит отец. Отлично. Как раз вовремя.

Андрей привстал и, наклонившись через столик, едва не опрокинув вазочку с многострадальной гвоздикой, принялся целовать Яну, краем глаза косясь на явно довольного уви-

денной сценой отца.

– Что с тобой? Ты сошел с ума? – поинтересовалась девушка, когда Кисляк отстранился.

– Прости, не удержался! Ты такая красивая! – Он удовлетворенно отметил, что отец вышел из кафе.

– Как-то на тебя не похоже, – Яна все еще казалась настроенной.

– Все меняется, и я тоже изменился. – Андрей одним глотком допил свой кофе. – Заказывай. А я пока отойду на минуточку...

Он поднялся из-за стола, мимоходом послав удивленной Яне воздушный поцелуй, и вышел в фойе. Здесь он набрал номер отца.

– Ну как, убедился, что я помирился с Яной? – спросил Андрей, глядя на темные силуэты деревьев за окном, казавшиеся особенно графичными на фоне снега. – Вернешь теперь машину?.. Вот и отлично!

Кисляк нажал отбой. Настроение улучшилось. Приятно, когда все так хорошо организовалось. Теперь потихоньку избавиться от общества Яны – и вечер можно считать прекрасным.

Он вернулся к столику в превосходном настроении и, достав из вазочки гвоздичку, протянул ее девушке:

– Это тебе!

Итак, с отцом было улажено. Осталось только решить про-

блему с Костровым, который, по словам Марины, намеревался рассказать об их отношениях Щукину.

Такой шанс представился на следующий же день. Они как раз шли вместе с Мариной от спорткомплекса, когда заметили Сашу Кострова.

– Костер! – окликнул Андрей парня. – Привет! Говорят, ты сомневаешься в возможности дружбы между мальчиком и девочкой?

– Кто говорит? – Костров посмотрел на парочку, как показалось Андрею, неприязненно.

– А что, нет? Ты не собирался заложить нас Щуке? – Марина прищурилась.

– И при том, что и рассказывать, собственно, нечего. Между нами чистая дружба! А вы что подумали? – Андрей обнял Марину за плечи и они, переглянувшись, засмеялись.

– Ну знаете... – Костров не договорил, уставившись на подъехавшую к ним машину.

– Андрюша, посмотри, не к тебе ли пожаловали?! – Марина кивком указала в ту же сторону, куда пялился Сашка.

Ну конечно, машина Яны. Вот ведь повезло!

– Вот черт, – выругался Кисляк вполголоса и посмотрел на товарища по команде. – Подыграй, а? Сделаем вид, будто Маринка – твоя девушка. Ну что тебе, жалко что ли?

Ответить Костров не успел, потому что как раз в это время из машины показалась Яна.

– Привет! – Андрей взъерошил волосы и широко улыб-

нулся, прекрасно зная, как действует на девушек его улыбка. – Рад тебя видеть!

– Неужели? – Яна скептически оглядела Марину, и та поджала губы.

– Вот, познакомься, – Кисляк сделал широкий жест, – Марина – девушка Саши. Помнишь Кострова? Ребята уже убегают. Правда, ребята? Вам же как раз в кино... билеты на места для поцелуев...

Костров был бледен. Такие лица Андрей видел в фильмах у героев, презрительно плевавших в лицо врагу и не знающих, что такое компромиссы или элементарная предусмотрительность. Гм...

– Марина не моя девушка, – произнес Костров отдельно, оправдывая самые худшие предположения, и, развернувшись, зашагал прочь.

Яна окинула Андрея презрительным взглядом.

Ну вот, все вчерашние усилия насмарку!

– Ты неправильно поняла. Я тебе объясню...

Он еще пытался спасти положение, но девушка не стала слушать. Хлопнула закрывающаяся за ней дверца машины, и автомобиль рванул с места, обдав их брызгами смешавшегося с грязью снега.

– Один-ноль, – пробормотал Андрей зло, глядя на мокрые следы на асфальте. – Но погоди, Костер, еще сочтемся!

И сегодня, пока лед оказался свободен, Миша решил потренироваться в одиночку.

Спасибо ВасГену, теперь это было гораздо легче – коньки сидели как влитые и совсем не жали.

– Эй, «медведь»! – послышался за спиной голос.

Пономарев оглянулся. К нему неспешно подъезжал парень, которого Миша не раз видел тренирующимся с Алиной. В целом симпатичный паренек. Интересно, то, что они катаются вместе, что-то значит?.. Или не значит?..

– Ты случайно ничего не перепутал? Вообще-то лед сейчас наш, – парень хмуро оглядел Мишу.

Да, тут налицо взаимная антипатия. Но ссориться не было никакого смысла.

– Уже ухожу. – Пономарев двинулся к бортику и увидел в проеме Алину.

Она смотрела прямо на него, и от этого голова стала какой-то легкой-легкой, словно воздушный шарик. Того и гляди улетит под потолок спортивной арены.

– Привет! – девушка улыбнулась.

– Привет... – Миша снял шлем и торопливо пригладил топорщащиеся ежиком волосы.

– Видела, что вы завтра с «Пантерами» играете, я приду посмотреть?

Надо было сказать ей, что его исключили, но Миша просто не мог этого сделать, а поэтому, чувствуя себя полным болваном, кивнул.

– Алин! – закричал ее партнер. – Долго тебя ждать? Давай, пора начинать!

– Уже иду...

Ему показалось или в голосе девушки звучало сожаление?..

– Увидимся. – Она снова улыбнулась.

– Увидимся, – отозвался Миша, глядя, как она выезжает на лед. Завтра Алина узнает, что он неудачник. Но это будет завтра, а не сегодня...

– Пономарев!

Миша, оторвавшись от завораживающего зрелища, оглянулся. Перед ним стоял ВасГен, подошедший совершенно бесшумно.

– Решил заняться фигурным катанием?

– Нет. – Миша покраснел. – Просто смотрю.

– Вот и ладно, – врач нахмурился. – А что же ты утаил, что твои коньки отец пропил?

Сердце сжалось и рухнуло в пятки. Меньше всего Миша хотел, чтобы в команде знали о его позорной проблеме.

– Откуда вы знаете?! – спросил он встревожено.

– Да ты не стесняйся. – ВасГен покачал головой. – Ты не ответственен за поведение отца... Сегодня звонила твоя бабушка, она очень за тебя переживает...

Миша отвернулся. Зря она все выболтала. Уж лучше пусть считают его растяпой и плохим хоккеистом...

Там, на льду, скользила Алина. Миша поймал ее взгляд. Если она узнает о его позоре, в этих чистых глазах появится презрение и жалость. Что угодно, только не это!..

– Молчишь? – ВасГен тронул его за плечо. – Зря ты так. Тренеру и доктору нужно говорить все, иначе диагноз окажется неправильным. Подумай об этом.

И, не дожидаясь ответа, врач ушел.

Да, он был прав. Но не мог Миша признаться! Не мог – и все тут! Он снова посмотрел на кружащуюся Алину, и в этот момент девушка вдруг как-то нелепо взмахнула руками. Миг – и она лежит на льду, словно сломанная игрушка.

– Черт! – пробормотал Миша и бросился к лежащей, над которой уже склонился ее партнер по тренировкам.

Алина тихо застонала.

– Что? Что случилось? – Миша не владел собой от беспокойства.

– Нога! Больно! – девушка снова застонала.

– Зови врача! – крикнул Пономарев застывшему в нерешительности Алининому партнеру. – Давай быстро! Он здесь неподалеку!

Алина, морщась, попыталась приподняться, но снова бес- сильно опустилась на лед.

Миша сидел рядом с ней – пока не пришел ВасГен. К счастью, проблема оказалась не слишком серьезной. Алина

смотрела на него с благодарностью, и одно это превращало серый день в особенный.

Он так и шел, глупо улыбаясь, до остановки, а на остановке стоял Макеев. Улыбка погасла, как легкое пламя, танцующее на спичке, гаснет под дуновением ветра.

– Миша, погоди, – окликнул его тренер.

Пономарев, собиравшийся было свернуть в сторону, остановился.

* * *

– Здравствуй, Миша, – сказал я. – Отойдем? Нам надо поговорить.

Свои ошибки нужно признавать. Дурак не тот, кто вообще не делает ошибок – такое, по-моему, в принципе невозможно. Дурак тот, кто упорствует в них, несмотря ни на что. И быть дураком я вовсе не собирался.

Он неохотно отошел со мной и посмотрел со смесью тоски и отчаяния.

– Прости, я не знал про твои семейные... обстоятельства, – несмотря на уверенность в правильности своих действий, разговор давался нелегко.

Миша хмуро покосился на меня.

– А при чем здесь семейные обстоятельства? – спросил он дерзко. – Какое отношение они имеют к хоккею?

– Иногда прямое, – ответил я, не отводя взгляда. – Изви-

ни, я ошибся в своей оценке происшедшего. Завтра игра, и я хотел бы видеть тебя на льду. Придешь?

Он растерялся. Отломил веточку, повертел в руках и уронил на снег:

– Не знаю...

– Приходи. И не делай ошибки, перепутав гордость с гордыней. Бывай.

Я кивнул ему и пошел прочь. Пономарев – парень неглупый и, судя по тому, что я видел, сильный. Сам во всем разберется.

Но, признаться, я все же беспокоился.

– Пономарев здесь? – спросил я у ребят, когда на следующий день они собрались в раздевалке.

– Здесь, – послышался голос.

Он стоял со спортивной сумкой на плече, и на лице его читалась решительность.

Ну что же, молодец, Миша. Приятно видеть, что он сделал правильный выбор и я в нем не ошибся.

Бой с «Пантерами» прошел ужасно. Хуже всего было то, что в команде явно чувствовался разлад, а Кисляк и Костров смотрели друг на друга волками. Тогда я еще не знал, что происходит между ними, но прекрасно видел, что они вынесли свои личные проблемы на лед. Это перестало быть их личной проблемой и стало проблемой всей команды, поскольку как минимум один верный гол был утерян из-за того,

что Кисляк проигнорировал Сашу и отправил шайбу другому игроку.

Итог: один-два не в нашу пользу.

Проигрыш абсолютно закономерен: команды как не было, так и нет.

Но есть и положительный момент. Единственный гол со стороны «Медведей» в ворота «Пантер» забросил именно Пономарев, еще раз доказав, что я был прав, отказавшись от первоначального решения в отношении него.

– Господин Макеев! – Спортивный директор Казанцев улыбался особенно мерзко. – Вас ждет для разговора Калинин.

С Казанцевым мы не поладили сразу. А еще эта история с изгнанием блатных и переоборудованием помещения, которые они сдавали под склад для хранения автомобильных покрышек, в сушилку для хоккеистов, не добавили взаимной симпатии. И вот теперь я не сомневался, что спортивный директор напел про меня нашему спонсору Калинину и постарался выставить меня в самом черном свете. Казанцев со вторым тренером Романенко, кстати, работают в паре, но если Романенко вспыльчив и в целом не умеет притворяться, спортивный директор из тех, кто будет бить в спину. И улыбаться при этом. Вот в точности так же, как сейчас.

– Спасибо, уже иду, – отозвался я.

Калинин находился на поле, катаясь в заливочной машине. Высокий, лысый, холодный, бизнесмен до мозга костей,

он производил на неподготовленного человека неизгладимое впечатление. И только немногие знали, что на самом деле Калинин не такой, каким хочет казаться.

– Сергей, – он первым протянул мне руку, – что же это такое? Седьмое поражение в сезоне!

Казанцев поджал губы, но было заметно, что он доволен, словно налакавшийся сливок кот. «Увы, новый тренер не справляется... Может, он и был хорошим игроком, но тренер из него как из козла балерина», – словно наяву услышал я его вкрадчивый голос.

– Если бы я не присутствовал на игре, то оказался бы очень расстроен, – неожиданно закончил свою речь спонсор.

– То есть?! – глаза Казанцева едва не вылезли на лоб. – А сейчас что, есть повод праздновать?

– Ну, праздновать еще рановато, – Калинин прыгнул на лед и отряхнул руки, – но положительную динамику я вижу. Сегодня ребята хотя бы пытались сразиться за победу.

– Каждый был за себя, – сказал я тихо, не принимая похвалы.

– И тем не менее... – Калинин посмотрел на Казанцева. – Вы не оставите нас с главным тренером наедине?

– Конечно. – Тот бросил на меня взгляд, колющий, словно тысяча булавок, и неспешно зашагал в сторону трибун.

– Не круто ли начать с разгона половины команды? – спросил Калинин, когда мы остались одни.

Ну разумеется, донесли. Ничего другого я и не ждал.

– Круто, – согласился я, – но вы же, Олег Иванович, поставили передо мной задачу подготовить нормально функционирующую команду. Вот я и стараюсь. Наша цель – войти в «молодежку» в следующем сезоне, я прав?

– В целом да. – Спонсор провел ладонью по блестящему боку заливочной машины. – Однако ты начал с конфликта. Казанцев – человек непростой, но он многое делает для команды, да и Романенко этих ребят еще на коньки ставил. Может, обойдемся без эксцессов?

– Без эксцессов не получится, – я развел руками, – топором машут – стружки летят. А тут работать еще ого-го надо. Либо отказаться от поставленных амбициозных целей.

– Ладно, работай, – согласился Калинин. – Но все же личная просьба от меня: будь по возможности поддипломатичней.

* * *

– Ты молодец! Я видела, как ты забил шайбу!

Волосы Алины, на тренировках всегда собранные в хвост, рассыпались по плечам. Она была очень хороша. Портило впечатление только одно: присутствие рядом партнера.

– Спасибо, – Миша покосился на ее спутника. – В хоккее говорят не «забил», а «забросил». И ничего сложного. Шайба отскочила, а я всего лишь добил...

– И без пользы. Все равно вы продули! – вставил ее спут-

ник.

– Эдик! – одернула Алина. – Всякое бывает. Ну не повезло. Может, не их день.

– Да, день Бекхема, – Эдик самодовольно усмехнулся, – и у «Медведей» таких дней Бекхема триста шестьдесят пять в году.

Миша хотел ответить этому наглому типу, но не стал. Зачем затевать ссору при Алине? Да и не стоит этот Эдик усилий. Все равно Алина на него даже не смотрит.

– Как ты? Как нога? – спросил он девушку, полностью проигнорировав злобный выпад.

– Уже гораздо лучше. Спасибо, ты вчера очень помог...

Она смотрела ему в глаза, и между ними возникало нечто. Пока еще слишком туманное, чтобы дать ему определение. Всего лишь взаимный интерес, а вырастет ли из него нечто большее – неизвестно. Это зависит только от них, от него и от нее.

– Алин, репетиция начинается, надо идти. – Эдик, тоже почувствовавший это нечто, настойчиво потянул партнершу за руку, стремясь увести ее от соперника.

– Да, иду... иду...

Но уходя, она оглянулась.

* * *

– Итак, посмотрим, что получилось...

Ребята, собравшиеся вокруг меня, уставились в экран монитора. Не зря я попросил Романенко записать на камеру весь матч. Вышло, надо сказать, очень наглядно.

«Медведи» не боролись и легко отдали среднюю зону, а значит, инициативу. Они держались неуверенно и позволяли противнику теснить себя, допускали классическую ошибку, откатывались в свою зону... О безобразном поведении Кисляка, отдавшего шайбу назад вместо того, чтобы передать ее Кострову, стоящему на выгодной позиции, и вовсе говорить нечего.

Они и сами это поняли, сникли. Даже Андрей не подавал привычных язвительных реплик.

– Неужели все было настолько плохо?.. – выразил общее отношение Егор, капитан команды.

Полезно посмотреть на себя со стороны, однако и лишать ребят веры в себя тоже не годится.

– Учтите свои ошибки и двигайтесь дальше, – посоветовал я. – Это не повод отчаиваться, а повод задуматься. К тому же помните, что тренер – всегда максималист, он всегда недоволен и считает, что можно сделать лучше.

Они немного неуверенно засмеялись.

– Продолжаем разбор, – вернул я их в рабочее русло...

Когда основные ошибки были проработаны хотя бы теоретически, я перешел к следующему пункту программы.

– Если все сделали после просмотра такой же вывод, как я, то будем принимать меры. А именно – увеличим нагрузку

в два раза.

Ребята переглянулись

– Как это – в два раза?! – голосом слоненка из известного мультика переспросил Бакин, хлопая по-девчоночьи длинными ресницами.

– Очень просто, – объяснил я. – Вместо одной у нас будет по две тренировки в день.

Они замолчали. Было слышно, как в коридоре работает шваброй уборщица.

– Это типа шутка? – наконец спросил Кисляк.

– А мы только что юмористическое шоу посмотрели, – я кивнул на экран ноутбука, где застыл финальный кадр матча. – Для тех, кто не хочет в «Камеди-клуб»: жду вас сегодня в двадцать два ноль-ноль.

Они встревоженно зашумели. Именно такой реакции я и ожидал.

– Каждый решает для себя, – добавил я, вставая со скрипучей скамейки. – Выбирайте: либо дворовый хоккей, для которого вы уже достаточно хороши и никаких усилий предпринимать не нужно, либо «молодежка», к которой, как мне казалось, вы стремитесь...

И, не ожидая ответа, я вышел из раздевалки.

Они явились все. В полном составе. Даже Дима Щукин, который, как мне было известно, серьезно занимался математикой и, в отличие от брата, так и не определил еще собственные приоритеты. Они пришли все и вкалывали так,

словно не устали за длинный день и это была только первая тренировка.

Я сразу поверил в этих ребят, но именно теперь исчезли последние сомнения. У них действительно есть цель, а это самое главное. Не одаренность, не везение, а именно наличие четко поставленной цели помогает добиться того, чего хочешь. С этими ребятами можно работать.

* * *

Тренировки продолжались, как и сказал тренер, ребята работали с удвоенной силой.

Правда, отец до сих пор ворчал. «Какой, мол, в этом прок, когда ты все равно не вылезаеть со скамьи запасных. Ты что, сидеть там тренируешься?»

Но Семен старался обращать на это не слишком много внимания. Как говорят друзья-англичане, «*diligence is the mother of good fortune*»⁵, или по-нашему: «терпение да труд всё перетрут». К тому же отец подкинул ему одну действительно интересную идею...

– Живее, Бакин! Живее! Ты что, спишь там? – гнал на тренировке Макеев.

Двигаться было неудобно и тяжело, а разгон давался воистину адскими усилиями, но Семен все же попытался уско-

⁵ Буквально – «Старание – мать фортуны» (англ.).

риться, в результате чего шлепнулся на лед и проехался по нему пузом.

Тренер подъехал поближе, подозрительно оглядывая его.

– Что это с тобой, Бакин?

– Ничего, – Семен поспешно отвел взгляд.

– А подними-ка, пожалуйста, майку, – попросил Сергей Петрович еще более подозрительно.

– Зачем? – голос сорвался на странный фальцет.

– Посмотреть надо! Что там у тебя?! – рявкнул он.

Бакин неохотно поднял майку, под которой находился первый из свитеров.

Ребята, с радостью бросив выполнение упражнений, глазили на него.

– А дальше? – спросил Макеев.

– Дальше – еще свитер, – Семен со вздохом продемонстрировал шерстяной свитер с оленями.

– М-да... – тренер покачал головой и поправил кепку. – И сколько же их у тебя там?

– Три...

Ребята рассмеялись.

– Зачем? – удивился Макеев.

– Он худеет! – засмеялся Кислый. – Чтобы девочкам нравиться!

– А вот и нет! – Семен покраснел, досадуя на себя за это. – Я хотел, ну... как Патрик Руа... Он всегда носил под формой много одежды. Чем шире вратарь, тем его сложнее про-

бить... А что вы смеетесь?!

Парни из команды действительно хохотали как безумные.

– И откуда ты почерпнул такие знания? – осторожно осведомился Макеев.

– Из Интернета! – Бакин моргнул. После той газеты и тренировки с яйцами, которую устроил отец, Семен решил, что и вправду можно почерпнуть что-то полезное из опыта знаменитого канадского вратаря.

– А ты знаешь, что Патрик Руа еще со штангами разговаривал? В этом ты тоже с него брать пример собрался?

– Как со штангами?..

В статье, на которую наткнулся Семен, про такое не было ни слова.

– По-английски! Как у тебя с английским? – Макеев улыбнулся. – Ладно, иди переодеваться. Переоденешься – возвращайся, а остальные продолжают!

Семен тяжело вздохнул. Ну вот, опять посмешищем стал, а ведь хотел же как лучше!

Глава 7

Кто такой этот Антипов?.

И вот пришло время представить еще одного игрока команды «Медведей». Впервые я вычитал его имя в бумагах команды, посмотрел статистику, свидетельствующую о его положительной эффективности, и решил разведать обстановку, почему ушел этот парень и можно ли его вернуть.

— Кто такой Антон Антипов? — прямо спросил я у Романенко, когда мы вечером пили чай в захламленной тренерской.

Этот вопрос произвел неожиданный эффект. Романенко подавился, а затем едва не вылил только что заваренный кипяток себе на штаны.

— А что ты спрашиваешь? — набычился он, немного придя в себя. Даже волосы возмущенно приподнялись, как у приготовившегося к нападению ежика.

— Вроде неплохой парнишка, перспективный. — Я спокойно отхлебнул глоток чая.

— Неплохой-то неплохой, только непростой, сам себе на уме. И безответственный! — Романенко рубанул ладонью воздух словно бы в подтверждение собственных слов.

— Приведи пример! — потребовал я. Терпеть не могу голословные обвинения.

— Вот пожалуйста! — Второй тренер довольно улыбнулся. —

Он на матч со «Стальными львами» не пришел. Без предупреждения. И как раз после этого вообще на тренировки ходить перестал. Наверное, ему надоело. В общем, дохлый номер, Сергей Петрович, забудь.

Но забыть было не так просто, тем более что мнение Романенко не являлось для меня определяющим. Хотелось самому посмотреть на этого Антипова. И для этого я выписал из его личного дела адрес и отправился в жилую многоэтажку.

Выйдя из обычного лифта системы движущаяся скоростная коробка, я оказался на совершенно безликой площадке с четырьмя типовыми дверями, отыскал нужную квартиру и позвонил.

Дверь открылась, и на пороге возникла девушка. Тоненькая, в какой-то светлой кофте и летящей, в пол, юбке. Лицо простое, тонкое, без всей этой косметики, которой так любят уродовать себя современные девушки.

– Вы к кому? – Она подняла на меня серые серьезные глаза.

С первого взгляда я решил, что ей лет двадцать, но всмотревшись, понял, что больше. Не бывает у двадцатилетних таких мудрых глаз!

– Я к Антону Антипову, – мне почему-то потребовалось прокашляться. – Можно его увидеть?

– Его сейчас нет дома. – Она оглядела меня с любопытством, пытаясь догадаться, кто стоит перед ней.

Я увидел себя словно со стороны: невысокий, еще далеко не старый, на вид чуть за тридцать, мужчина в обычной черной кепке и дешевой куртке. Не определишь ни возраста, ни рода занятий.

– Макеев Сергей Петрович, новый тренер «Медведей», – поспешно представился я и зачем-то ляпнул: – Команда такая.

Она улыбнулась:

– Знаю. Я мама Антона. Можете звать меня Юлей... Только вот что я хочу сказать вам, Сергей Петрович, Антон в команду не вернется, это точно.

Я дождался его во дворе. Симпатичный парень с открытым, честным лицом. Непохож на злого хулигана или раздолбая, способного подвести свою команду. Разговор оказался коротким: Антон полностью подтвердил слова Юли, отказавшись возвращаться, едва только услышал, что Романенко по-прежнему тренирует. Уже не сомневаюсь, что у них что-то личное. Но какое противостояние может быть у мальчишки и взрослого мужика, профессионала в своем деле?... Романенко все больше меня разочаровывает.

Но Юля... интересно, она так молода, а нее уже взрослый сын. Увижу ли я ее снова? Наверяд ли...

Вопрос о том, что произошло с Антоном Антиповым, я задал и своим ребятам.

– Ушел и ушел, – пожал плечами Кисляк.

– Он как-то на игру не явился, а потом и вовсе пропал, – добавил Егор Щукин.

Пропал товарищ, но никто из команды, даже капитан, не поинтересовался, что с ним случилось. Сразу видны сплоченность и дружеская поддержка.

Казалось бы, и все, все нити оборваны. Но, видно, госпожа Судьба уже раскрутила свое колесо, пришли в движение какие-то шестеренки, выводящие на позиции людей, словно игроков на хоккейном поле.

Второй раз я встретил Юлю случайно, когда зашел в аптеку за обезболивающим. Сломанная нога все чаще давала о себе знать, и в последнее время я фактически жил на «Мелоксикаме».

Кто же знал, что мама Антона, Юлия Антипова, работает в аптеке?! Пока она искала мне лекарство, мы перекинулись парой фраз, и я снова спросил ее об Антоне.

– Мне показалось, вы против его возвращения в команду?

Она подняла на меня спокойные глаза, похожие на тихие лесные озера.

– С чего вы взяли?

И не ответила.

* * *

С интернет-магазином получилось плохо.

Из-за удвоенных тренировок времени на работу почти не оставалось, и однажды пришел тот далеко не прекрасный день, который Миша Пономарев в целом предвидел. Хозяин магазина указал на дверь, сообщив, что получил достаточно негативных отзывов и не нуждается в услугах вечно занятого курьера.

Обоснованно. Но обидно едва ли не до слез. Тем более что хозяин счел возможным удержать из полагающейся Мишке зарплаты ровно половину. А они с бабушкой, заметим, очень рассчитывали на эти деньги. Оставшейся суммы его товарищам, например Кисляку, не хватило бы даже на разовый поход в кафе. Вот и вкалывай после этого.

Однако, должно быть, по закону какого-то вселенского равновесия, вслед за несчастьем пришла и удача.

В один из вечеров, когда Миша возвращался с тренировки, его догнала Алина.

– Привет! – Она выглядела необычайно свежей и красивой, а яркая зимняя курточка прекрасно оттеняла глаза. – Ты спешишь? Может, сходим куда-нибудь?

Миша даже растерялся. Ее партнер Эдик уже не раз давал ему понять, что Алина – его девушка, и очень нервно реагировал на появление Миши.

– Эээ... – пробормотал он, – у тебя же вроде есть парень?..

– Правда? – ее глаза удивленно распахнулись. – А кто, если не секрет?

– Ну как же, – замялся он. – Эдик.

Девушка рассмеялась так искренне, что у Миши сразу отлегло от сердца.

– Эдик! – повторила она. – Придумаешь тоже! Мы с ним тренируемся с десяти лет, к тому же он такой зануда... И как ты только подумал!

Миша не сомневался, что если даже Алина не рассматривает своего партнера всерьез, то сам Эдик вполне не против, чтобы она стала его девушкой. Впрочем... впрочем, это не имело никакого значения. Проблема сейчас была только одна – материальная. Из-за жадности хозяина интернет-магазина даже нравящуюся тебе девушку сводить в кафе не получается.

– Я... я не взял деньги, – выдавил Миша, краснея.

– Подумаешь! – Алина подхватила его под руку. – Пойдем! Я угощаю. А в следующий раз ты меня угостишь, хорошо? – поспешно добавила она видя, что он собирается отказаться.

Искушение оказалось слишком велико, и Миша, конечно же, позволил себя увести.

А потом он провожал ее домой, они шли и болтали, болтали без умолку, пока не оказались у ее квартиры. Здесь Миша споткнулся о колючий взгляд Алининой мамы, резко распахнувший дверь перед ними.

– Алина, что так поздно? – произнесла женщина укоризненно и, взглянув на Мишу повнимательнее, нахмурилась. – Молодой человек, а ведь я вас знаю. Вы тот самый курьер?..

– Какой у тебя брат серьезный! – Марина скорчила забавную рожицу, косясь на Диму, который даже в перерыве, сидя в кафе, умудрялся делать уроки и записывать в тетрадь сложные формулы, понятные большинству людей примерно так же, как египетские иероглифы.

– Учится! – отозвался Егор. – Его по естественным наукам на все олимпиады посылают.

Димка Шукин окинул обоих весьма скептическим взглядом.

– Может, пойдете обсуждать меня в какое-нибудь другое место? – спросил он хмуро. – Сосредоточиться мешаете.

– А давай я тебя с кем-нибудь из своих девчонок познакомлю! А что, отличная идея! Вот моя подруга Лена давно по тебе сохнет! – Марина уселась прямо на стол, положив ногу на ногу, и заглянула в лицо Диме.

– Верно, – поддержал ее Егор, обнимая девушку за плечи, – будь проще – и люди к тебе потянутся. Познакомь его! Может, перестанет быть таким занудой.

– Спасибо. – Дима неодобрительно покосился на Маринкины ноги, едва прикрытые коротюсенькой юбочкой. – Без такого, как у тебя, счастья как-нибудь обойдусь. К тому же у меня уже есть девушка.

– Так то ненастоящая! Виртуальная. Представляешь, –

Егор доверительно наклонился к Марине, – они по скайпу общаются, Димка ее никогда вживую не видел.

Щукин-младший побледнел и медленно поднялся из-за стола.

– Вижу, – объявил он, собирая вещи, – что позаниматься мне здесь не дадут. Я пошел, а вы обжимайтесь сколько угодно.

– Обиделся! – протянула Марина, сложив губы трубочкой.

– Слушай, а может, пойдем в кино? Давно никуда не ходили... – Егор нежно провел по ее шее, с удовольствием вдыхая сладкий запах духов.

– Нет, Андрюша, давай не сегодня. Я устала... – протянула она и замолчала.

Щукин резко развернул девушку к себе.

– Что ты сказала? Как ты меня назвала?

Голос сорвался на хриплый шепот.

– А как я тебя назвала?.. – Длинные, тщательно покрашенные ресницы опустились и поднялись, словно у куклы.

Играет? Притворяется?

– Ты сказала «Андрюша», – напомнил он холодно.

– Правда? – Девушка засмеялась, как показалось Егору, немного делано. – Кому-то надо меньше тренироваться! Ни фига как заговариваться начала! Нормально! И знаешь, что самое смешное: сама не знаю, откуда это «Андрюша» взялось. С таким же успехом могла бы и «Ванечка» ляпнуть!

Егор нахмурился. Оправдание звучало как-то необеди-

тельно, что-то смущало.

– Да ладно тебе париться! Знаешь же, что ты у меня один. – Марина чмокнула его в губы. – Ну не морщи лобик! Будь зайной! Ну?..

Она пальцами принялась разглаживать его нахмуренный лоб, строя такие милые гримасы, что Егор не выдержал и улыбнулся.

– Ну вот, так лучше! – Марина снова, не обращая внимания на перекусывающих в буфете ребят, его поцеловала. – Не сердись, зайка. И все, я побежала! Не парься, дорогой!

Она была так мила, что ей хотелось верить. Очень хотелось – до судороги в животе.

– Наверное, я просто ревнивый дурак... – пробормотал Егор, глядя ей вслед. – Или...

Думать об этом «или» было нельзя.

* * *

– Саша! Что ты здесь делаешь?

Костров обернулся. Неподалеку от него в коридоре стояла Яна – как всегда, очень красивая, в аккуратном светлом костюмчике.

– Привет, – губы сами собой расплылись в дурацкой улыбке. – Я к репетитору. Поступать сюда собираюсь. А ты?

– А я уже здесь учусь, – девушка улыбнулась в ответ. – Я думала, ты только хоккеем интересуешься!

– Не только, хотя знаешь, – он с сожалением взглянул на часы, – надо бежать, а то на тренировку опоздаю. Задержался что-то...

– Давай подвезу! И никаких возражений! – серьезно заявила Яна. – А ты по пути о своих планах подробнее расскажешь.

Всю дорогу, пока она умело и сосредоточенно вела машину, Саша рассказывал о себе. О том, как заинтересовался хоккеем, о своих первых успехах и неудачах. Несколько действительно казусных случаев заставили Яну рассмеяться.

Единственное, о чем он не сказал – о своем отце, работающем как раз в Янином институте. Почему, Саша и сам толком не понимал. Просто не пришлось к слову.

– Ты молодец, – сказала она, въезжая в ворота спорткомплекса. – И как все успеваешь?

– Да ладно, – Костров слегка смутился, – будто я один. Ты еще Димку Щукина не знаешь. Вот он – золотая голова, на всех олимпиадах призовые места берет, а у нас на воротах стоит. И Миша Пономарев молодец. Когда его новый тренер из команды исключил, он сам приходил тренироваться и добился того, чтобы Макеев его зауважал! Сила воли железная! Вот какая у нас команда, – добавил он с гордостью.

Яна припарковала машину и посмотрела на Сашу.

– Завидую, – голос девушки звучал очень серьезно, – ты так о своих товарищах говоришь, что сразу видно: вы команда. А у нас в группе каждый сам за себя, никому никто, кро-

ме себя, неинтересен.

– Ну... – Саше вспомнились расспросы Макеева об ушедшем Антипове. И почему они действительно даже не позволили Антону? – Ну... завидовать пока нечему, – пробормотал он, – и у нас, честно говоря, не все здорово...

Тема была скользкой, и Костров поспешил ее замять.

– Я побежал... – Он открыл дверцу и посмотрел на Яну. – Спасибо тебе. И отличного вечера.

– И тебе. – Она махнула рукой.

А выйдя из автомобиля, Саша наткнулся взглядом на замершего на ступеньках Кисляка. Андрей явно узнал машину...

«Ну и пусть, – решил Саша, забросив за плечо спортивную сумку. – В конце концов, у него нет права на Яну...»

– Эй, Костер! – Кисляк не спешил уходить, поджидая на ступеньках.

«Сейчас начнется разборка», – подумал Костров с тоской. Он видел как-то, как двое парней в его дворе ссорились из-за внимания девушки, выпячивая тощую грудь, словно ошпи-паннные павлины. А девчонка, между прочим, сидела на лавочке и не без удовольствия наблюдала за этим представлением. «Дураки, – решил тогда Саша, – никогда не попаду в подобную ситуацию». Но тогда дело не касалось Яны... Надо же, у них с Кислым и так взаимоотношения в последнее время не очень – вроде нейтралитет, но вооруженный.

– Слышь, Костер, давай того... кончать холодную войну.

Не надо было переносить ссору на лед. Был неправ. Миру мир, а?.. – Андрей, словно считав Сашины мысли, протянул руку.

Значит, некрасивых разборок не будет. На душе сразу стало легче.

Он подал в ответ руку, а Андрей, глядя ему в глаза, вдруг спросил:

– Слушай, а кто это тебя на тренировку подвозил? Не моя ли девушка?

– Она меня просто подвезла.

Саша опять насторожился.

– Просто так просто, – Кисляк пожал плечами. – Вот видишь, осуждать других легко, в то время как и сам не без греха... Ну ладно, перетерли – и порядок. Я вообще человек легкий, сговорчивый. Золото, а не человек.

– Семьдесят килограмм чистейшего золота, – буркнул Костров.

– Не надо меня недооценивать! Семьдесят один! – Андрей засмеялся и хлопнул его по плечу. – Ну пошли, что ли, а то опоздаем.

Дождавшись, когда Костров скроется в раздевалке, Андрей набрал знакомый номер.

– Добрый вечер! Это Андрей Кисляк, узнали?.. Не хочу вас расстраивать, но видел, как ваша Яна подвозила сегодня какого-то наркомана...

* * *

В дверь деликатно постучали.

– Можно? – В тренерскую заглянул Дима Щукин и тут же принялся оглядываться, словно выискивая кого-то. – Вы один?

– Один. Заходи, – я кивнул. Дима выглядел слегка неуверенно. – Какие-то проблемы?..

– Нет... То есть... – Он замер передо мной и вдохнул, словно перед прыжком в воду. – В общем, я знаю, почему Антипов ушел из команды.

Глава 8

Противостояние

– Смотри, какой деловой! – отец неодобрительно хмыкнул, указывая подбородком на Димку Щукина. – Конкурент твой! Куда это он? В тренерскую? Небось взятку принес, потому его на воротах и держат.

– Он мне не конкурент, а товарищ по команде! – возразил Семен, морщась. – И никаких взяток Щукин не дает!

– Ну конечно! Знаем мы таких! – Отец покачал головой. – Не будь наивным. Честные – всегда в пролете... Кстати, у вас же во дворце буфет есть?..

Довольный сменой темы, Семен кивнул.

– Есть. Мы после тренировки там часто зависаем...

– И Щукин? – глаза Бакина-старшего опасно сузились.

– И Щукин, – удивился Семен.

– А что ест ваш Щукин?

– Ну... пирожки и компот.

Парень был окончательно сбит с толку, но отец, похоже, услышал именно то, что хотел, потому что удовлетворенно потер руки.

– Отлично! – заявил он. – В компоте незаметно будет. Вот, подсыпь конкуренту этот порошок – он целую неделю с унитаза не слезет! Не тормози! Речь о твоей карьере! К тому же, можно сказать, даже полезно организм почистить...

– Папа! – Семен с минуту смотрел на него, а потом оттолкнул руку, протягивающую сложенную в маленький конвертик бумажку. – Как ты можешь!

Не слушая увещаний отца, он побежал по гулкому коридору, слыша топот собственных ног. Семену хотелось топтать еще громче, чтобы заглушить услышанное, заставить его исчезнуть...

* * *

– Ой!

Дима Шукин, стоявший на воротах, вдруг согнулся пополам с таким очевидным страданием на лице, словно ему только что изо всей силы врезали под дых.

– Что-то живот прихватило...

ВасГен, сидящий на трибуне, тут же подбежал к вратарю, потрогал лоб, ощупал живот...

– Что с ним? – забеспокоился Макеев. Тренировка, конечно же, была прервана.

– Вызовите «Скорую». Очень сильное отравление! – командовал врач и снова взглянул на пострадавшего. – Что ты сегодня ел?

– У нас в буфете... пирожок и компот... – простонал тот, трясась.

Пирожок и компот!..

Семен похолодел. Не может быть! Этого просто не может

быть! Вероятно, это ему только снится? Но нет, окружающее слишком реально, и к тому же только сегодня...

«Попаду, чуёт сердце мое, попаду со скамьи запасных на скамью подсудимых...»⁶ – доносился тем временем из динамиков хриплый голос Владимира Высоцкого.

– Я... – Семен не договорил, потому что рот зажала чья-то сильная рука.

– Отца родного заложить собираешься? Ишь что удумал! Я ж ради тебя стараюсь!

– Я не хочу! Не хочу! – прохрипел Семен, пытаясь сбросить тяжелую руку.

– Что не хочешь? Эй, Бакин! Ты что, на тренировку не хочешь?

Семен застонал и открыл глаза.

Ну, слава богу, все-таки только сон. Какое же это счастье! От облегчения даже голова закружилась.

– Уже иду! – поспешно уверил он тренера.

Он не только идти – бежать, лететь может! Как мало, оказывается, нужно человеку для счастья!

* * *

Я подждал ее у подъезда. Бабки, сидевшие на скамейке

⁶ В. Высоцкий «Песня правого инсайдера».

и несущие вахту даже в самые холодные зимние дни, подозрительно косились на меня и перешептывались. Они всегда на посту – никакой агент иностранной разведки не пройдет. Но вот, наконец, и она. Из-под шапочки выбились волосы, щеки слегка разругались от мороза... Пожалуй, она даже красивее, чем я ее запомнил...

– Добрый вечер, Юлия! – под прицелом любопытных взоров местных старушек я шагнул к ней.

– Добрый вечер, Сергей Петрович!

– Пожалуйста, без отчества, – попросил я. – Давайте попросту.

– Ну хорошо, – она поколебалась, – Сергей... А вы, наверное, к Антону...

– Нет, я к вам. Почему вы мне сразу не сказали, что произошло?..

Она посмотрела на бабушек, которые, несмотря на старческое снижение слуха, пытались не упустить ни единого слова. Глухота у стариков вообще бывает очень избирательной.

– Знаете, Сергей, – Юлия решительно взяла меня под руку, – пойдемте-ка лучше в дом, я напою вас чаем...

У Антиповых была небольшая, но очень уютная кухня. Милые прихваточки, красивые, подобранные с большим вкусом, чашки, и даже сахарница в виде пряничного домика казалась необыкновенно милой и... домашней. Да, с моей холостяцкой кухней и не сравнить!

– Итак, к вам приставал Романенко, а Антон увидел это и

ударил его клюшкой, — озвучил я историю, услышанную от Димы Щукина. — И после этого ваш сын на занятия больше не ходил.

— Конечно, не ходил! — Она поставила передо мной дымящуюся чашку, от которой исходил чуть терпкий аромат свежей заварки. — Антон немного импульсивен, но ваш Романенко настоящий козел! Да-да, именно козел!

— Юля, поймите...

В этот момент в прихожей послышался звук открывающейся двери, и на кухню заглянул уже знакомый мне Антон Антипов. Взгляд у него был цепкий, настороженный.

— Антон. — Юля подбежала к нему. — Проходи. Сергей... Петрович пришел поговорить с тобой... насчет той ситуации...

Он сел напротив, снял шапку, обнажив подстриженную ежиком голову, и насупился.

— Ты уже не хочешь играть в хоккей? — начал с вопроса я.

— Хочу, — Антон разглядывал скатерть, — а что проку, все равно не вернусь в команду... И, если хотите знать, я вовсе не раскаиваюсь! Может, только в лицо не следовало бить...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.